

СМЕНА

19
1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин—на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 19. 1952 год.

Год
издания
29-й

Прём в партию. На снимке: заседание партийного Бюро на заводе «Красный пролетарин». Обсуждается заявление о приёме кандидатом в члены партии инициатора социалистического соревнования токаря 1-го механического цеха комсомолки Анастасии Мадютиной.

Фото Я. Халипа и А. Моклецова

ПАРТИЯ ВЕДЕТ

Партия! Самые чистые, сокровенные думы, самые светлые мысли и чаяния, самые смелые устремления и возвышенные чувства традициях заглавлены в этом живом слове, вечном и великом, олицетворяющем единство, силу, волю, дружбу, славу и гордость народов.

В суровых бурях и грозах, в жестокойшей, непримиримой борьбе со злейшими врагами человечества, в пафосе величайшего на земле создания росла и крепла выстоявшая гением Ленина и Сталина могучая коммунистическая партия.

Героический путь её — путь беззаветного служения народу, насущные интересы её — кровные интересы народа, великая судьба её — судьба многомиллионного, многонационального трудового народа. Партия Ленина — Сталина — ум, честь и совесть советской эпохи.

Победные знамя партии сплелись и осели на рабочий класс и всех трудящихся в героические дни Октября 1917 года.

Единственно верная рабочему классу, революционному марксизму, коммунистической партии повела народ на штурм капитализма, к победе Великой Октябрьской социалистической революции, к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране.

Под водительством товарища Сталина партия в жестокой, героической борьбе против предателей и социалов, буржуазных националистов — отстаивала великое, непобедимое знамя Ленина, разгромила заклятых врагов народа, смела их в мусорную яму истории, вывела советский народ на широкую дорожку строительства социализма.

Партия под мудрым руководством товарища Сталина совершила исторический переворот в деревне, провела сплошную коллективизацию сельского хозяйства и, ликвидировав на этой основе класс кулаков-мироедов, избавила трудовое крестьянство от кабалы, инакшты и разорения. В советской деревне утвердилась новая, социалистическая жизнь.

В годы Великой Отечественной войны партия, вдохновляемая полководческим гением величайшего стратега всех времён и народов товарища Сталина, сплела народы на борьбу с вероломным врагом, явившаяся душой победы, спасла нашу Родину от фашистского порабощения и гибели.

Самые тяжёлые бури и невзгоды выдержала партия на своём многотрудном, героическом пути. Советский народ с глубокой любовью и верой родной партии судьбу свою, неисчерпаемые силы свои, могучую волю свои!

Судьба ленинско-сталинского союза молодёжи всегда, на всех этапах борьбы советского народа за социализм, была тесно связана с судьбой большевистской партии. Комсомол — авангардная сила советской молодёжи — был, есть и всегда будет верным помощником партии, её боевым резервом.

От победы к победе партия и народ направляла великий Сталин. С гениальным

прозрачностью разгадывал он на каждом историческом этапе смысл надвигающихся событий и мудро находил главные партии и народа на выполнение поставленных и решающих задач.

Нераздельны в деланиях своих партии, Сталин, народ!

Народ гордится родной партией, беззаветно любит её и верит ей. Он видит партию в постоянной, неустанной заботе о народном благе, о радостной, зажиточной и культурной жизни советских людей. Заботу родной партии видит народ в могучести и несокрушимой силе своего Огнества, в заботу поднятых из пепла военных пожарниц городов и сёл, в гигантских стройках коммунизма на Волге, Днестре, Дону и Аму-Дарье.

Портрет

С плечу посмотришь —
Ясного ясный,
Оторвать свой взгляд не в силах ты:
На скале белосой,
На крутой стене
Дорогие,
Близкие черты.

В Янгюлях сегодня
Страдная пора,
Слышен стук колосов
И ляг кошей,
Самородки с Камы,
С белой катера
В два ряда встают у Морквашей.

Экскаваторы шагают вдоль реки,
Выше гор приподняты ковши.
Машинисты,
Глядя вниз из-под руки,
Шлюп привет шофрам от души.

На керях
Зори ярче встают,
Освеща янгюлевский пёс.
Вдохновляет гидростроевцев на труд
Человек,
Что счастье им принёс.

Возле Янгюлевской,
На скале крутой,
Нарисован Сталина портрет.
Он не сводит взора с Волги голубой —
Видит Сталин
Коммунизма свет.

Г. Сиваева,
Ульяновской области.

Мхи. НЕБЫКОВ

В грандиозных сооружениях советских зодчих, в величайших открытиях советских учёных, в лучших творческих выдумках мастеров советского искусства, в героическом труде рабочих, колхозников, строителей заключена животворная, вдохновляющая и организующая сила коммунистической партии.

Директивы XIX съезда партии открывают перед советским народом перед его молодёжью новые, величественные горизонты. Общее чувство беспредельной любви к партии ещё теснее облекает в эти дни миллионы советских людей, миллионы трудящихся могучего лагеря мира и демократии, выходящих в исторических документах XIX съезда партии величественную программу строительства коммунизма, программу дальнейшей борьбы за мир, гениальному прозрачность зодчего коммунизма, вождя и учителя — товарища Сталина.

Выражая свою преданность коммунистической партии, миллионы трудящихся нашей Родины — рабочие, колхозники, интеллигенты, — охваченные радостью творческого созидания, встретили XIX съезд партии новыми трудовыми подвигами во имя дальнейшего расцвета могущества и славы своей Отчизны.

Зримые черты коммунизма во всем своём величии уже встают перед каждым человеком в новом пятилетнем плане. На необятных просторах советской Отчизны, от моря до моря, от края до края, со стороны до, чего не было в мире, о чём на всём протяжении истории могли лишь мечтать самые предельные умы человечества. Обживают мёртвые пласты земель на огромных пространствах некогда бесплодных пустынь. Великие реки меняют русла и отдают буйную силу свою на службу народу. Рождаются новые города, моря, озёра, каналы, леса...

Только что вступила в жизнь перенесённых великих строек коммунизма Волго-Донского судоходный канал имени В. И. Ленина. Молодые лодыжи уже ведут пароходы по новому, Цимлянскому морю. А строители Волго-Дона уже участвуют в создании новых замечательных сооружений. Они самоотверженно трудятся на строительстве Сталинградской, Куйбышевской, Каховской, Усть-Каменинской, Камской и других гидроэлектростанций, Главного Туркменского канала. Здесь они применяют и передают опыт и мастерство, накопленные на Волго-Доне.

Визко время, когда вспыхнул огонь мощной гидроэлектростанции на Иртыше, в местах, которые не так уж давно издавна называли «дремучим краем земли Российской». Близко время, когда дышанье новых гигантских турбин открытые люди на берегах Камы, Ангары, Енисея, Оки. Недалеко время, когда устремится волны Аму-Дарьи в Каспийское море и зацветут сады коммунизма в кара-кумских пустынях.

Из рядов строителей коммунизма выдвигаются всё новые и новые мастера своего дела, новаторы производства, ломающие старые понятия о нормах, создающие новую технологию, новые методы работы, неустанно ищущие пути повышения производительности труда, улучшения качества продукции. В ходе социалистического соревнования советских труженников, миллионы массы советских труженников.

Во всем многогранном социалистическом труде советская молодёжь занимает почётное место. Среди лучших передови-

корневаторов немало зымен комсомольцев, молодых рабочих. Заслуженной славы пользуются молодые строители Волгодона. Среди удостоенных недавно высшего звания Героя Социалистического Труда выдвинулись молодые новаторы А. П. Усков, А. А. Улесов, В. И. Елисеев, Е. И. Симак и другие труженики, в совершенстве овладевшие сложнейшей техникой и сумевшие использовать её до дна.

Начальник сверхмощного шагающего экскаватора молодой коммунист Усков вместе со своим коллективом в короткий срок освоил экскаватор-гигант и добился исключительных результатов в работе. Экскаваторщик Евгений Симак на строительстве Цимлянского гидроузла отменно овладел своим делом и передал свой опыт многим экскаваторщикам великой страны. Токари-электроник Сергей Бушуев добился скорости резания твёрдой стали 2650 метров в минуту. Отвечая на письмо голландского токаря И. Сандера, который уоинился на гигантском результате резания, Бушуев писал: «Мы работаем не на хозяина, а на самих себя. Каждый из нас с полным основанием чувствует себя хозяином своей страны. Поэтому ясно, что рабочие наряду с инженерами, техниками и мастерами стремятся осуществить различные усовершенствования, позволяющие повысить производительность труда».

Ленинско-сталинская комсомол, созданный и воспитанный партией в духе величайшей преданности делу коммунизма, всей жизнью своей, всем счастьем своим, всеми своими успехами обязан родной матери — партии.

Партия вырастила, закалила в боях и в труде оравное молодое племя, не боищееся трудностей во всепародной борьбе за построение коммунизма.

Могучая моральная сила молодых советских людей, своими подвигами прославивших Родину, — Александра Матросова, Лизы Чайкиной, Павла Котлова, Зои Космодемьянской, Олега Котёлова, Машуку Мамедовой и многих, многих других, чьи полные обаяния героические образы олицетворяют величие духовного облика миллионов юных строителей коммунизма, — рождена и воспитана коммунистической партией.

Воодушевлённые и направляемые примером беззаветных борцов-коммунистов старшего поколения, мужави в битвах за дело партии, за дело народа сотни тысяч верных сынов и дочерей ленинско-сталинского комсомола.

За дело родной партии, за свой народ, за любимую Родину, с именем великого Сталина на устах свершили бесмертные патристические подвиги олавные всепародной славы молодогвардейцы Краснодона. Славными патристическими делами прославив Родину сотни тысяч молодых героев на самых боевых участках мирного, созидательного труда, великих строков коммунизма.

Глубокий смысла патристических подвигов миллионов молодых советских людей в боях и в труде заключён в их чистом, светлом стремлении беззаветно служить родной коммунистической партии, родному народу; закалять свою волю, воспитывать и совершенствовать в себе лучшие черты характера людей великой сталинской эпохи: смелость, правдивость, честность, высокую моральную чистоту, образованность и культуру, готовность за дело партии Ленина — Сталина, за дело коммунизма отдать все свои дарования, все силы, все жизнь.

На светлый и широкий путь учения, творческого созидания, смелых дерзаний и подвигов, изобретений и открытий, к

В. И. Ленин и Н. С. Сталин в Горках. 1922 год.

вершинам науки, культуры, искусства вывола партия миллионами юношей и девушек Советской страны, окружая их материнской любовью и заботой.

Партия вручила молодому поколению строителей коммунизма могучую технику, созданную советским народом, величайшие открытия советской науки. Шагающие гигантами-экскаваторами, работающими на стройках коммунизма, сверхмощными землеройными сьверядками, новейшими воздухоплавательными аппаратами, самыми скоростными в мире стеньками овладевают молодые советские инженеры, техники, мастера.

Для образования и воспитания молодёжи партия и Советское правительство не жалует ни сил, ни средств. Перед лицом новых грандиозных задач, поставленных партией, ещё выше и ответственнее становится роль каждого комсомольца, каждого молодого человека нашей Родины.

Неустанно овладевать передовой, революционной марксистско-ленинской идео-

логией, умело применять полученные знания в практической работе — к этому неустанно призывает партия.

Не зазнаваться, не кичиться успехами и заслугами, быть скромными, правдивыми, близкими, непримиримыми к недостаткам и пережиткам, не бояться смелой и правдивой критики, быть требовательными к себе и друг к другу, всегда и во всём являть пример принципиального, идеального человека эпохи перехода от социализма к коммунизму — к этому призывает родная партия.

Требования, предъявляемые к коммунистам в знаменитом речье Устава партии, зовут беспартийных, каждого комсомольца, всех юношей и девушек расти, воспитываться, закаляться по Ленину и Сталину, по родной партии.

Великое счастье — жить и трудиться в нашей Советской стране.

Великая честь — принимать участие в выполнении грандиозных задач, поставленных партией и любимым товарищем Сталиным перед советским народом!

МЫ ИДЕМ К КОММУНИЗМУ

В помещении партийного бюро прокатного цеха вавода «Серп и молот» молодые рабочие и комсомольцы собрались для беседы со старшим мастером Иваном Ильичем Туртановым. Они пришли сюда после ночной смены, прямо от прокатных станков и выгоревших печей, и прокатные струи дыма ещё не смыли с их окислявшихся лиц напряжение труда.

Бесело переговариваясь, обмениваясь шуточными замечаниями, уславившись встретиться сюда, сразу дала просторную комнату лексотовой. В открытые окна врывается мерное дыхание большого завода: жужжание ударов механических молотов, рокот моторов, лязг и грохот металла, басовитое гудение пламени в марше...

Иван Ильич Туртанов, просматривая записи в своём блокноте, прислушивается к этому шуму за окном, к молодым звонким голосам. На нём синяя рабочая куртка, воротник сатиновой рубашки расстёгнут.

Седьма припорошила волосом на висках, но глаза у старшего мастера снова удивительно живые, с задорными искорками в глубине зрачков. Слегка сутулится, он встаёт, и в говор сразу стихает.

— Радостные, праздничные дни переживаем мы сейчас, встречая Десятипятнадцатый съезд нашей партии,— негромко начинает Иван Ильич.— Переживайте историю партии: каждый съезд был важным событием в жизни страны. Каждый съезд открывал собой новую страницу, ставил новые великие задачи. И запомню вам хотя бы съезды последних двух десятилетий. Четырнадцатый съезд наделил партию на индустриализацию страны, Пятнадцатый — на коллективизацию сельского хозяйства. Шестнадцатый был съездом победного наступления социализма по всему фронту, а Семнадцатый вошёл в историю как съезд победителей. Как делегату от Московской партийной организации, мне выпало счастье принять личное участие в работе съезда Всесоюзного съезда. Хотя с той поры прошло уже немало лет, но никогда не забудь мне дня открытия съезда — 10 марта 1939 года...

Нахлынувшее волнение заставляет Туртанова сделать долгую паузу. Он окидывает взглядом лица пришедших слушателей. Как передать им всё величие незабываемой картины, что жажёт, не тоскует, в его памяти? Где найти такие слова, чтобы эти молодые ребята пережили вместе с ним всё счастье и радость встречи с любимым вождём?

— Стални! — проносится по огромному кремлёвскому залу, и бури, лавина оваций потрясла высокие стены зала. Да здравствует Стални! Великому Сталину слава! — звучит слова благодарности и любви, рвущиеся из самого сердца. Это коммунисты — посланцы всех народов нашей страны — приветствовали своего вождя, учителя, друга.

...Делегаты пришли сюда, в этот сверкающий огнями кремлёвский зал, с носостроок и колесных поезов на колесах пятиэтажных заводов, из лабораторий и шахт. Они плавилли сталь, рубили уголь, строили дома и заводы, убирали хлеб на полях — они строили коммунизм. И через все трудности их вела воля партии, которую великим Лениным гордо звали умом, честью и совестью нашей земли.

Премии, перекапываются по залу аплодисментами. Товарищ Сталин смущённо и удивлённо качает головой, показывая на часы. Но нет конца овации и аплодисментов. Люди платят от счастья, от нежности к этому простому и мудрому человеку, дорожке и ближе которого нет никого на земле. Никогда не ощущал такой силой Туртанов это ирридуемое, всеобъемлющее счастье народа со своим вождём, как в ту минуту...

Рассказывая об этом, Иван Ильич читает в загоревшихся глазах молодых рабочих ответное волнение.

Вместе с ним они видят: Сталин стоит на трибуне съезда. Его историческая речь это вальдущая бесода с народом. Простые и ясные слова понятны каждому. Как много вмещает каждое стилиное слово, сколько мыслей и чувств оно пробуждает, какие беспрельные дали открываются взору, когда слушаешь Сталина!

Товарищ Сталин говорит о мире: «Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться так же отнюден с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны».

Сталин говорит о том, что, вытася уйти от надвигающегося экономического кризиса, правители капиталистических государств раскуют военную истерию, ликвидировав расширять военную промышленность и предельно политиче «империализма» подготавливают новую мировую войну. А мы строим коммунизм, счастье народа. Нам нужен мир.

Отеческой гордостью светятся глаза вождя, когда говорит он о великих трудовых победах советского народа. По технике производства и темпам роста нашей промышленности мы уже далеко перетяли капиталистичекий мир. Мы создали социалистичекие сельское хозяйство. Мы совершили культурную революцию и воспитали новую, народную интеллигенцию.

Наша страна крепка и монолитна, как никакая другая страна во всей Европе, и наша успеха велика, но мы идём дальше!

«Только в том случае», — говорит товарищ Сталин, — если перегоним экономически главные капиталистичекие страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена продуктами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма во второй его фазе».

Иван Ильич Туртанов рассказывает молодёжи о том, с каким вниманием и гордостью слушали делегаты съезда доклад товарища Молотова о проекте новой сталинской пятилетки.

Это был ещё один шаг к коммунизму, — говорит Туртанов. — И какой шаг! Продукция всей советской промышленности должна была возрасти почти вдвое. В каждой шифре, в каждом пункте пятилетнего плана чувствовалась близость коммунизма, мудрая забота партии и товарища Сталина о счастье народа, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма во второй его фазе».

В дни работы Восемнадцатого съезда завод «Серп и молот» был награждён орденом Ленина. Ленинский профиль в обрамлении золотых колесев заверскал и на груди Ивана Ильича Туртанова — старшего мастера стана «75».

— Каждый месяц давал наш стан сотни тонн проката сверх плана, — вспоминает Иван Ильич. — Дирекция съезда вдвояливал ось страну. Уже было принято по инициативе товарища Сталина решение о осуществлении генерального хозяйственного плана СССР на пятнадцатый лет. Уже обсуждало наше правительстве вопрос о значительном снижении цен на хлеб, на мясо и на другие продукты. На Волге развёртывались работы по трассе Волго-Донского канала. Помешала война...

То зову партии и товарища Сталина все страна поднималась на защиту Советской Отчизны. Горевый дым спаливших городов и гбл не закрыв от наших глаз великой цели. Прокатывала бромную сталь, выпускала снаряды и мины, мы знали: с нами партия, с нами Сталин, а где Сталин, там победа. Победа будет за нами, и мы достроим солнечное Алабэ — козюк.

За успешное выполнение военных заданий

Государственного Комитета Обороня завод «Серп и молот» был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Такой же награды был удостоен коммунист Туртанов.

Вскоре после войны поехал Иван Ильич с делегацией советских металлургов в Англию.

— Решая нам англичане показать, что и они сильно от войны пострадали, — усмеявшись, рассказывает Туртанов. — Стали воюли нас по разбитым при воздушных налётах заводам. Прошло после окончания войны уже несколько лет, а заводы всё лежат в развалинах, бурьяном поворали. У нас фашисты одних только городов без малого две тысячи сожгли. И за послевоенную пятилетку мы их восстановили, залечива все раны да ещё вперёд шагнули — козюный уровень по всем показателям превозшли...

И, широко разведя руками, точно этим жестом жалея подтвердил всё величие пролетарской войны нашего народа, его торжествующе добавил:

— Вот она, слава советского общественного строя, у всех на виду!

В наступившей короткой паузе опять стал отчётливо слышен шум цехов за окном. Не удерживая ни дём, ни почему эта могучая песня мирового социалистичекого труда...

Склонив седую голову, Иван Ильич минуту прислушивается к этой знакомой трудовой мелодии.

Шумит, — кивает он в сторону окна, и лицо его светлеет — в улыбку. — Зовёт хотя бы наш завод! как вырос он после Восемнадцатого съезда! Один наш стан «750» даёт теперь стране проката почти вдвое больше, чем до войны. А ведь почти каждым был завод двадцать семь лет назад, когда я с механиком за плечами мирное социалистичекое трудя. Начавали его ещё многие по старике «Гужоном». Только начинали мы тогда восстанавливать хозяйство после гражданской войны. Всё больше заводцев делал да проволочку тятили...

— Да, делало шагунди! А люди как быстро растут! Давно ли, скажем, вот ты, Иванов, на завод пришёл? Ещё делал ли нет, верю?

Николай Иванов кивает и улыбаётся:

— Я ещё молодой, Иван Ильич. Вы меня в старички не записывайте...

Подождав, когда утихнет смех, Туртанов продолжает:

— Раньше ты бы ещё делал лет одну работу изучал: как мастеру на всю семью «козюк» сделать и выдать — в подальностины получить. А ты давно уже сам мастер, целой семьей зарабатываешь, и молодость не помеха. Стал ты членом партии, коммунисты тебя группором назвали.

Иван Ильич обводит всех довольным взглядом.

— Показуй, каждого из вас можно в пример привести, не ошибётся: все вы знаете. Каждому партия дорогу открыла и наказала: «Стали большой!» Вот наши старееры Субботин, Яковлевый и Виталий Михайлов лауреатами стали. Они замесили, показав головой: какое работал слесарем Валентин Жаворонков. Окочил он без отрыва от работы заводской техникум, потом заводской вечерней институт. И теперь в том же цехе инженером работает.

Мастер деловитого цеха Борис Карповов тоже при заводе институт окочил. И таких уже немало. Вечерние институты, школы рабочих молодёжи, вечерние курсы — всё к нашим услугам, только учить и расти! Верно, Иван Александрович! — вспоминает, повораиваясь Туртанов к худощавому рослому козюку, сидящему в стороне у окна.

Иван Александрович Савельев слегка смущая тем, что его застали врешлюх. Слушая мастера, он отлынял и валулся о своей судьбе, о своей собственной жизни...

Когда в Кремле делегаты Восемнадцатого съезда бурей ошарашили доклад председателя Сталина, утверждавшего третьим пятилетним планом, Ивану Александровичу было всего-навсего одиннадцать мальчишеских лет... Учился он тогда в школе, летом гоним в новые колхозные конюшни на заливные луга медвежьей реки Москвы. И звали Ивана Александровича тогда просто — Васькой.

Но изобретения новейшей техники Иван, думал тогда товарищ Сталин и о его, васькиной, судьбе, о его счастье. О нём думала и заботилась партия, намечая путь постепенного перехода к коммунизму.

В годы войны Иван Савельев в одну из московских ремесленных училищ, созданных по инициативе товарища Сталина. Он изучал математику и физику; опытные воспитатели раскрывали перед молодым парнем высокое мастерство обработки металла горничных профессий.

Настоясь запомнился ему день, когда он впервые вошёл в прокатный цех. Гулево пламя в нагревательных печах; крепко захватые в лапы крапола, проливающие над головами раскаленные слюпки стали. Они излучали жгучее сияние, точно маленькие солнца, созданные человеческими умелыми руками. Вспыхивающие рожицы мощных станов стремительно несли эти слюпки, упруго протаскивая их своими узкие щели между валками. И стальные тяжёлые бруски упорно меняли свою форму, словно ходили прямо на глазах, превращаясь в конце концов в гибкую проволоку или тончайшие листы.

Стремительное движение раскалённого металла, грохот и жар часто завстаивают робота новичка. Но Иван Савельев, хотя и пришёл в цех впервые, не чувствовал себя в нём новичком. Он уже знал устройство этих могучих машин, их «секреты». Он пришёл в цех из ремесленного училища не мальчиком для побуждения, а вальцовщиком десятого разряда.

Возмущение зрелище проката стали не пугало и не поражало его; оно захватывало и увлекало, вызывая страстное желание стать настоящим мастером своего дела, так как только в этом деле производилась вся наша техника, чтобы она была послушной в его руках.

Ему все шло навстречу в осуществлении этого благородного желания. Старые рабочие охотно делились своим опытом, мастера беседовали с молодыми рабочими о новых методах труда. И скоро Иван Савельев стал одним из опытных вальцовщиков цеха. Вот тогда-то и начался довод седьмого сталинского пятилетнего плана — его назвал его Иваном Александровичем.

В 1950 году ему было присвоено почетное звание «Лучший вальцовщик Советского Союза».

Да, многое может произойти в жизни за несколько лет. Кажется, не так уж давно Иван Савельев был пионером, вступил в комсомол, а теперь он коммунист, помощник главного мастера, знатный человек завода. У него своя семья: жена Екатерина Ивановна — лаборантка «Гирокорпуса» — и трёхлетняя бойкая и шаловливая дочурка Тинка.

— Вальсы наши люди, — говорит второпя его мысли, говорит Иван Ильич Туртунов. — Выросла и страна. Страна стала наш шаг: Европа помешала нам Кубышевскую ГЭС и Волго-Дон построят — теперь мы строим не одну, а сразу три мощные гидроэлектростанции на Волге — на Волго-на Диньере, на Аму-Дарье, а по Волго-Донскому каналу уже идут корабли...

Пункт за пунктом разливает Туртунов директивы Девятнадцатого съезда партии по новому пятилетнему плану. На сельские производства выдана масса техники, вступают новые города, автостанции, гидроэлектростанции.

Лаконичные цифры поражают и захватывают своим богатейшим размахом. По темпам электрификации мы давно обогнали весь мир. А теперь в директивах съезда просто и скоро занесено:

«Увеличить за пятилетие общую мощность электростанций, примерно, вдвое, а гидроэлектростанций — втрое...»

Эти примечательные слова «вдвое», «втрое» часто повторяются в директивах. Многое из того, что создали мы за тридцать четыре года, принимаются за годы новой пятилетики, страна наша станет ещё богаче и ярче, ещё сильнее и могущественнее.

Изучая директивы по новому пятилетнему плану, мы как бы заглядываем в будущее. Зашумят молодые леса на огромной площади в пять миллионов гектаров, зашепелят ослепительным солнцем пустыни, и голубые моря зашумят среди степей. Всё уткнуто в этом мудром сталинском плане: от передачи природы до буквы, которой понадобятся переклопанники.

Делегат XVIII съезда ВКП(б) Иван Ильич Туртунов беседует с молодыми металлургами завода «Серп и молот».

Фото А. Мондеева

Сталинской заботой сокрыты эти лаконичные цифры. Они оживают, и за каждой из них — прекрасные человеческие судьбы, большое счастье и большие дарования. На тридцать пять процентов вырастет за пятилетие реальная заработная плата, госпланирование откроет свои двери тысячам новых спасателей и домов отдыха. Всобуде политехническое образование, новые значные и вечерние университеты, техникумы, школы, прекрасные клубы и библиотеки — столько новых безграничных возможностей для учёбы и роста молодежи!

В этом сталинском плане намечено пятилетие жизни и труда каждого советского человека. В нём и судьбы старшего мастера Ивана Ильича Туртунова, и лучшие стремления молодых рабочих, собиравшихся в это утро в партийном цеховом бюро, и счастливые будущие пока ещё беснующегося паренка, который иначе погонит голубей или собирает колоски за комбайном, а завтра станет лучшим вальцовщиком страны, инженером, учёным.

Всё оживляется течёт беседа, и в ней часто повторяются слова: «Наша пятилетка, наши задачи».

— Наши задачи велики, — говорит Иван Ильич, и в голосе его слышна гордость за свою

профессию. — Мы, металлисты, ждём в первых рядах рабочего класса. Иронат за пятилетку должен вырасти на 64 процента, а производством металлообработки и катанки — в два раза. Для этого придётся много поработать каждому из нас. Но мы уверены: доблестно, выполняли задачи партии! Ведь и мы, как весь мир смотрит, молодые страны народной демократии равняются по нас. Выдана недавно с делегацией в Болгарию. Там такой термин существует: «советские методы труда». Когда человек перевыполнит норму, о нём так и говорят: «Он работает по-советски». И это, как всякому человеку, образцы показывать, первыми прокладывать путь к коммунизму...

...В коммунте тишина.

Коммунист Иван Ильич Туртунов беседует с молодыми рабочими о новом пятилетнем плане. Ему есть что рассказать и есть о чём рассказать: большая, яркая жизнь за плечами. Он вдвое старше любого из своих собеседников. Неплохой их судьбы, различные их жизненные пути. Но самое главное в их биографиях одно: все они — рабочие и крестьяне, старого металлиста Туртунова, а всех этих весёлых, смелых ребят воспитала и взрастила партия.

Простой рабочий Иван Туртунов стал талантливым организатором производства, общественным деятелем, бессменным депутатом Моссовета, Великий Сталин и партия открыли перед молодежью такие просторы для творчества и счастья, о которых могли лишь мечтать лучшие умы человечества.

Потому так возмущено и оживлённо обсуждают они сегодня новый пятилетний план — простые советские рабочие двух поколений. Закачивает беседу Иван Ильич словами товарища Сталина:

— «Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творившие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнять план».

Эти чеканные слова каждому хочется повторить как мантру.

Беседа окончена, но не хочется расходиться. Все вместе они выходят на заводской двор. Впереди широко шагает Иван Савельев, рядом с ним коренастый, полновидный оператор станка Лев Богачёв. За ними идут товарищ Иван Фомин, вальцовщик Владимир Лазев и Анатолий Ванян, бригадир надзачинчиков Сергей Самойлов и другие комсомольцы.

Савельев осенний ветер треплет их волосы. Из ворот склада выезжает автомашина, доверну нагруженная стальными листами и тугими мотками проволокой. У переезда ей преграждает дорогу металлурги. Директ встает рядовой состав. На каждой платформе серые слитки стали.

— Ребята, а ведь эта сталь уже в путь новой пятилетки идёт! — громко говорит Богачёв.

Куда, на какие постройки они спешат, этот состав? Эта сталь, прокатанная их руками, скоро превратится в новые тракторы и станки, в огромные морские теплоходы, годно несущие флаги от кремлёвских стен на просторы пяти советских морей, связанных водно по сталинскому плану. Она станет мощной турбиной, ладит аристократ в основании плывущих кораблей, через которые скоро клявет паровозы отточен, живая вода в засухливые степи, в пески пустыни...

Проводя живых состав, они шагают дальше, мимо недов, где в маршевых колониях и колониях сталь, где тяжело ухаживать рабочие молоты и раскалённые слюпки бегут по вальцовочным станкам. Порыв ветра разворачивает алое полотнище плаката, они долго, перебираясь над аллеей. И они только смотрят на этот плакат, не отрывая глаз от знакомых и завораживающих слов, что написаны на кукоморном полотнище:

«Мы идём дальше, вперед, к коммунизму».

«Молния» на Тигрострое

ГЛАВА ИЗ ПОЭМЫ «ВТОРАЯ ВСТРЕЧА»

Так оно и было:
Путь негодный,
если бытеродный катера...
Я приехала
в Комсомольск-на-Волеге
в половине пятого утра.
И пока стояла под древним дубом,
что корница висела в кругосколке;
и пока прикидывала у лауба
высоту дорических колонн;
и пока ходила в лесах кварталов

и считала домов безбрежный ряд,
где в пределах будущих бульваров
молодые сосенки шумят;
и пока рассматривала в ту пору
бересклета незнакомый лист,—
от Зелёновки
немного в гору
весь в пыли
летела мотоциклаист.
Над лесистой поймой,
над долиной,
словно буря, мчалась,
словно шквала,
и слюси посадкой соколомной
он кого-то мне напоминал...
Вот в ложбине скрылся,
вышел в шпавини
и оттуда — прямо на меня...

— Саксия! Саксия! —
И товарищ давний
осадка гремучего коня,
жаркого...
И, на педалях стоя,
бросил с шлеч зелёный макинтош
и очки на лоб:
— Ну, что такое?..
И разве ты меня не узнаёшь?..
— Как же, как же, дорогой мой!..
Только
люди изменяются в наш век,
словно города во время стройки...
Э-э, да не такой я человек,
чтоб за нимним временем суровым
радости не чувствовал накала,
чтоб не узнавать людей,
которым
партресекомандция давала..
Значит, выжила,
друг ты мой писатель?
Значит, снова влезла за перо?..
К зямм ледового лей.
А я здесь, жестаги,
секретарь партийного бюро...
— Что, работы много?
— Да не мало...
Вот тружешь на левом берегу...
Так что
мне сможешь, как бывало,
да и я, выживою, помогу...
Ну, поехали!..
И сразу утро
взымало нас
над волжскою волной,
над песком и зеленью,
как будто
срывать повзвизали за спиной.
Хорошо на равнине свидания

так лететь к лебедкам и копрам...
Здравствуй, прос,
здравствуй, радость созидания —
стаинского времени сестра!
Здравствуй, утро
с доблестью твоею!..

Кран подъёмный,
запирная трос,
как жирафа, поднимает шев
над стволами сосен и берёс...
Тягачи проходят с автобуса
по лугам, где светится трава.

Золотой песок сыплют МАЗы,
поднимаю вверхку кузова.
Всюду рупат камень,
пилят брёвна,
зажигают вымнеалов огни...
Вот бульдозер
на земле неровной
попоскает вковые ши,
и, рассыпая волны, словно стружки,
Волга под моторков выплтит...
Всюду жиньи!

И только на опушке
экскаватор будто стоя спит.
Он струлю привоидила над собою,
будто в битве поодруга крупа,
лёгкая опущенной тубою
мощная железного ковша.
Он слепую фарой обладдело
смотрит вдаль, на поляны жары.

— Экая машина! И без дела!..
огорчённю Саксия говорит. —
Это же
завод многоэтажный!..
И, остановив мотоцикл,
Саксия подает сигнал протяжный:
дескать, есть живые тут
ляз нет?

Взял травенку, пожевал губами
и потом по розовой броне
гаечным ключом забарабанил:
дескать, есть живые тут
ляз нет?..
И тогда
кряжистый — галитяю любо, —
словно двери открывая люю,
экскаваторичик товарищ Даюба
отодвинул нехота броне
и зенгуга лёжваю.
(Рослый малый,
крепкий,
Но, как видно, пеладим.)

— Что, давно стоите?..
— Ты, пожалуй,
около пяти часов стоим...
— В чём же дело?..
(Тыжиз, Сероглазый,
Но плечами сдвигает пещь пути.)
— Так дорога ж выбита,
и МАЗы
ловастряям
и всю ночь кряхтит...
— А напарник где?..
— Вскочил на «газика»
и к прорабу двинулся как раз...

Тут бульдозер нужен бы...
Да разве
без наряда
кто бульдозер даст?..
И пошёл:
— Нет с бездорожьем сладу...
Тут, товарищ Саксия,

в наши дни
комлексирую нужию бы бригаду,
чтобы под началом

под одним
были б все подручные машины,
чтобы понады экипаж набор...
Чтоб стоять нам не было привычно...
Вот тогда... другой бы разговор!..
И пошёл:
— А то одно мученье:
час работаешь, а два стоишь...

Саксия выслушала. И в заключение:
— Ты, пожалуй, дею говоришь!..
И, задумавшись, по-над кюветом
он волос рассыпал серебро...
Вот что, друг мой,
обо всем об этом
ты доложись выгиче на бюро...
Подготовись, значит!..
И усеся
на стальные траки, как на мост...
А теперь скажи: куда он деся,
ваш
контрольный
комсомольский пост?..
Дюмба встрепенгуал и, краснея,
что-то одолеа в себе. Потом
вымолила:
— Та вою...
В садах Морфея...
То бишь, под ракитовым кустом...
И руки махнула куда-то в дам...
Видеть, коса её видна...
Вот она!..
И тут мы увидали
спящую красавицу.
Она

на оханке молодого сена
руки разметала. И над ней
труднее выспиваства колена,
завылался волжский соловей.
Завылался, славя день, и лето,
и свой подругу на меже...

— Ну-ка, просыпайся, Лиззивета! Хвати! Ночь окончена уже! — Помолчала.

Потом сказала сердечно: — Надо «Молнию» нарисовать...

— «Молнию»?..

— Ну да...

— Оно, конечно...

Но кому её адресовать, чтобы не было пусто? звона? — А хотя б Хвостову, чёрт возьми, самому начальнику района...

— Так начальник-то придёт к восьми...

— Ну и что же?..

— Ничего... Но где же на неё его наткнётся взор?..

— Так приберу ему на дверь коттеджа!..

— Неудобно...

— Что за разговор?..

Кстати, вот писатель... Он поможет.

Для него и рифма не секрет!.. — И лукаво подмигнула мне: — Что же...

Рубини-ка рифмою, поэт!.. — И добавила: — Это ж видеть дико: техника бездействует в тоске...

Рубини-ка, друг мой, рубини-ка, как бывало, в «Боевом листке»!.. И ушёл.

И мы с Елизаветой примостились на броне согретой и засели за привычный труд... Торопились, спорили, как лучше.

«Молнию» с сатирой колючей выгуглила за восемь минут. Саксин был доволен шуткой этой: — Ничего! От всей души хвяти!.. — И на мотоцикле с Елизаветой к городу лоспешно покатил.

Я гадала вослед и угадыбалась, стройной фигурой любовалась. Мотоцикл терпелся адалеке. И над пылью, что белее мела, Елизавета облачком летела, зажимая «Молнию» в руке.

А тогда веселя, востая скрылась за прибрежными кустами там, где в лес пошёл водорезада, я увидела:

Дзюба из-за кабина взглядом удивительно влюбленным всё ещё в ту сторону гадала.

«Вот оно в чём дело!»

И фуражкой сдвинутой прикрылась от него и склонилась над дунистой жакшей, будто не заметила ничего...

А спустя минут пятнадцать сразу с громом из прибрежного леса выскочили тракторы. И МАЗов выгнали дружно из песка.

И бульдозер на джиповые малом задыхал с привесом, тяжело и, усердно швыряя отвалом, вырвал их ухабы...

И пошло! Самосвалы подрулили с хода, бризгуны поскочили из-под колёс. Дзюба, угадыбалась, ковш породы ухарски над кузовом затёб.

Всё зашевелилось, закипело... Саксин подошёл ко мне: — Гляди!..

«Молния» — великое, брат, дело, если ею в точку угодишь!..

1952.
Куйбышевгидрострой.

...В трудную минуту комсомолец Николай Жуков заходил на квартиру коммуниста Петра Александровича Андронова.

Сергей КУЛИКОВ

Н О В Ы Е Л Ю Д И

Глава семьи Жуковых Андрей Павлович — человек завидного здоровья, хотя ему уже идёт шестой десяток. Он любит порассуждать и послушать, особенно вечером, за чайным столом, когда сам заваривает крепкий до черноты, душистый чай. Кроме хохвата, за столом обычно сидят его супруга Праксovia Яковлевна, невестка Сима и сын Николай.

Так было и в тот осенний вечер, лет шесть назад.

Николай, плечистый, кареглазый, бритоголовый (тогда он только что снял солдатскую пилотку), молча наблюдал за отцом. Ни долгая разлука, ни война, ни гвардейский труд по двенадцати — шестнадцати часов в сутки внешне не изменили старика. И он всё такой же, и привычки у него всё те же. Николай угадыбался, вспомнил, как однажды он в шутку назвал вот эти ежедневные собрания семьи за вечерним чаем «семейным советом».

— Так где же ты думашь работать, сын? — спросил Андрей Павлович.

Он ждал ответа, наблюдал, как ловко его невестка Сима убирает со стола посуду.

— Да вот надо подумать... решить, — ответил Николай, зная, что отец не любит торопливных, необдуманных ответов.

— Может, на малолитражный его пойти? — посоветовала мать. — Тут близко от дома.

— Что ж, — неожиданно скоро поддержал её Андрей Павлович, — можно и на малолитражный... «Москвички» строить...

Мать Николая, словно испугавшись такого быстрого решения, тут же сама усомнилась в своём предложении.

— Завод? хороши, — в раздумье заметила она, — да вот только знакомых у нас там нет. Чужие все. Тяжело будет спервоначалу.

— Оставь, мать! — Андрей Павлович раскрыл подвешенных под руки газету и снова сложил её. — У нас чужих нет. Все наши, все друг за дружку. Потом Николай — комсомолец, а там есть комсомольцы. Коммунисты есть. Вот и помогут освоиться.

Прошла неделя, другая, и молодой товарищ, уже как свой человек, входил в электросварной дех автомобильного завода, что широко раскинул свои приземистые корпуса по правую сторону от шоссе. Николай был настойчив и по-кузовнику жаден к работе. Но авшалею ему не удавалось выполнить даже одну норму.

Однажды начальник цеха коммунист Пётр Александрович Авдонин спросил мастера:

— Как там наш новичок? — Старается. Вчера первый раз норму дал, — ответил мастер. — Замечу, что дело он любит. Будет стоющим человеком.

Начальник цеха молча слушал, думал о чём-то своём. Мастер мелко взглянул на него и сам замолчал. Он понимал Авдонина. Этот коммунист прошёл хорошую школу жизни. До сих пор его ладони ещё шероховаты от слесарного напильника. Потому он был бригадиром, мастером, а теперь начальник крупного цеха.

И ведь Андриан прежде всего был коммунистом — работником воспитателем молодых рабочих.

Каждый вечер из ворот завода выходит пахнущие лаком зельные, голубые, синие «смазки». Разве можно, глядя на это, думать, не задумываясь о людях, создавших такие автоматы!

— Люди! Вот о чём задумался коммунист Андриан. Вести о первом успехе ещё одного молодого рабочего обрадовал его.

Петр Александров встал из-за стола и вышел.

Береселоро. Тамовские небо глядело в широкие окна цеха.

В этот день Николай находился в том состоянии сильного увлечения работой, когда, слившись над станком, человек ничего не слышит. Последняя деталь была выточена. Жукон выключил мотор, разглядев спину и обрубив. Сошёл со стана Навальник цеха Андрияна. Он посмотрел на токаря прямым доглым взглядом. Хорошо улыбулся.

— Здравствуй, — сказал он и первым протянул руку. — Ну как, паршиса, тыжево?

— Не очень, — ответил Николай и, радостно улыбуясь, добавил: — Норма есть, Пётр Александров!

Начальник ещё раз внимательно взглянул на токаря.

— Подразвляю! Норма — это большое дело. Особенно для начинающего... А поминишь, что товарищ Сталин сказал? — Андриан на мгновение задумался — что же сказал товарищ Сталин: «Новые люди, новые времена, — новые технические нормы». Появил? Новые люди — это ты и твой станок, и все их сколько кругом, в совершенстве знающих технику! — Он обёл рукой светлый, радостно рожонущий металл цеха.

— Прощася, Андриан добавил:

— Ну, желаю удачи, Николай! Теперь у тебя новая цель — перерезать норму. Приглядывайся к работе старших. Думай...

Об этом разговоре Николай сказал дома отцу. Тот вниманно жеке:

— Так, так, выходи, я говорил, что там ему поможут!

Андрей Павлович удовлетворённо помчался, потом, видимо, по ходу своих мыслей, спросил: — Андриан-то — коммунист, наверно?

— Да. Член партии.

— Так я и знал. Чувствует, как надо напрячьсь, понимает, что он и делу шприво, по-современному относится.

Отец не срывал своей радости за сына, который попал в хорошие руки.

Николай вспоминал разговор с Андрианым и чувствовал в себе что-то новое, пока ещё необъяснимое, но светлое и радостное, открывшее вдруг дорогу даль, которая теперь с каждым днём становилась всё ближе.

Николай не знал, что, возвратившись в свою контору, Андриан сказал мастеру:

— Был у новичка. Ты не облизь: хорошо работает. Минут пять за его спиной стоил, смотрю. Это не облизает. Уверен.

Петр Александров отодвинул стокну парад, сказал просто, доверчиво:

— А ты, Алексей Никаноров, посетуй Жукону подвинуть инструмент к станку. Пусть освободит метчик и поставит шкаф так, чтобы он всегда был под рукой. Сам знаешь: мала секунда, да чужа берётся.

Николай так и сделал. Теперь он брал инструменты из шкафа, не выключая станка. Бедёр минутой, порой секунду, а к концу недели сложились часы дела. Эта охота за минутами открыла большие возможности.

Ничего не оставясь обрывать от глас Андрияна, он всё видит, всех понимает. Прочитал на доске социалистическое обязательство одного молодого, но уже опытного рабочего, подвёл парня к станку Жукона и, покаявая на Николая, говорит:

— Гляди, выключил норму на автосе... А в обязательстве? Дваси с лишним... И ты так смеёшь. Знаю, слышно, значит, ты же способный. Думай, пробуй — выде! —

Андриан тихо, но явно так, чтобы слышал Жукон, говорил смущённо парню:

— Разве это ты социалистическое обязательство выключил норму на это производство? Вести же не видишь, как меняется социальное обязательство, как, к примеру, во-времена приехавших на работу, или ещё отвечать на приветствия: «Здравствуй!» Всё это само собой

разумеется. Это твой долг — выполнять норму. А ведь ты берёшь обязательство, социалистическое!

Разговаривая, они ушли вглубь цеха. Жукон видел, что коммунист Андриан по-отечески наблюдает, советует, назидает, всех возмущая рабочих цеха. Пошёл Николай, что Андриан не забывает и его, Жукона, хотя он теперь и стал одним из лучших станководов.

Пётр Александров позаволосил и о том, чтобы Николай поступил в школу рабочей молодёжи...

Утром случилась вещь — минут! Как в библиотеке Жукон посмотрел толковый словарь и прошёл такое объяснение: «Минута, мера времени, равная одной дробь шестидесятой часа и состоящая из шестидесяти секунд. Очень короткий промежуток времени, мгновение».

Жукон хорошо понял и доказал цену этих автоматических вещей.

Цех нуждался в резчик. Одианков, встретившись с рабочником кладовой, Николай спросил, куда деваются старые, изношенные резцы. Рабочник покаял рукой на ящик с металлическими отходами:

— В ящик, в перелёк.

Николай взял пару сточенных резцов и вернулся в цех. После смены он зашёл к слесарю Николаю Зайцеву. Они долго о чём-то беседовали, разглядывали резцы и потом вместе отправились в вузничку. Разогреть старые резцы, они попробовали отгнать их рабочую часть. Опыт успеха. Жукон сам явился заточившим инструментом. Своё замысловатое выработка. Начальник цеха теперь уже, не боясь заходить, прямо сказал Жукону:

— Молодец, Коля! Вот это по-партийному!

Николай молчал, ему очень хотелось ответить Андриану: «Безь это ты, Пётр Александров, сделал бы так: начал бы внимательно думать о том, что производит мой руки. Но он только спросил:

— Пётр Александров, у нас в цехе стоят три неисправных станка. Разрешишь, я между делом починю.

— Это тоже же токарная работа.

— Не беспокойся, чего им яра сполты!

— Хорошо, согласен. Кстати, как у тебя с учёбой? Завсегдатаевь восьмой? Молодец! Кто жёна? Второго-то сына как назвали? Серёжей? Хорошее имя.

Андриан обнял Николая за плечи.

— А историю помнишь... давно хотел поговорить, откладывал... Он широко улыбулся: — Всё следит за тобой, наблюдал. Теперь выку: достови. Пора подумать о вступлении в партию. Подготовься — поддереку...

Жукон был членом заводского комитета комсомола. Он руководил тем школьным сектором, стремился всю молодёжь привлечь к учёбе.

Пётр Александров, похвалу, так же как и за успехами производственного, следил за общественной работой своего токаря. Как-то при встрече Андриан сказал Жукону:

— Неторопливо, потому что ты руководил школьным сектором, тебе ребята верят, а вчера сам пропустил занятия. Какой же это пример другим? Подумай...

Осторожно, порой так, что Николай сам не всегда замечал, Андриан направлял его, руководил им.

А история была такая. Давно хотел поговорить, откладывал... Он широко улыбулся: — Всё следит за тобой, наблюдал. Теперь выку: достови. Пора подумать о вступлении в партию. Подготовься — поддереку...

Жукон стал чувствовать себя на заводе нужным человеком.

Каждый день в небольшие промежутки времени «высвобождался», когда решил мог бы помочь токаря обрабатывать деталь, — Николай разбирал старые станки. Не переставая выполнять заказы своего цеха во нарядом, он перебирал коробки скоростей, промывал подшипники, шлифовал шпиндели и правил валы.

Через полтора месяца станки были капитально отремонтированы. Один из работников в самом цехе, другой остался на месте, а третий Николай решил перевести в ремонтно-шлифовальный, подсобный станок.

— На токарном станке шлифовать? — улыбулся в цехе.

Но потом, вспоминая, как однажды Николай на своём токарном станке прогнул шпиронные канавки у привидных валов, выключил работу фрезерного станка, перестал улыбуется.

Теперь Жукон требовал у мастера задания не накануне, даже не за день, а за два-три дня вперёд. Зная, что предстоит ему делать, Жукон заранее мысленно представлял себе весь ход обработки детали, высчитывал, на чём можно выиграть время, какое устроить приспособление. Николай жеке отходил.

Андриан с радостью наблюдал, как заболит, словно хозяин в своей конюшне, Жукон благоустроил своё рабочее место. Одианков в обеденный перерыв Пётр Александров увидел Николая, который, стоя на коленях, что-то писал доскою на борту шкафа для металлических отходов. Навальник жеке подошёл ближе и прошептал: «Кстати», «Брошася», «Мелье».

Он ускоренно покачал головой и заметил:

— Во время перерыва обедать надо, а не художеством заниматься.

Токарь осторожно положил вазь в консервную банку с аркастой, обстал.

Николай и ушёл. Пётр Александров, как говорит спортсмена, остался в темне.

Жукон чему-то улыбулся, как в тот, теперь уже дальний день, когда он впервые выключил норму, и сказал:

— Пётр Александров, вы поминте норму времени на обработку корпуса электромашинной машины?

— А ты что, сомневаешься в моей памяти? Помню, помню — большие часа.

Николай покаял рукой на грудку готовых деталей.

— Каждую из них, — проговорил он, — я сделал за семнадцать минут...

Жукон уже не вытало работы в одном цехе, а простоявших он не хогя. Случилось так, что токарь парсировского цеха ушёл с завода. Николай решил обрабатывать детали сразу для двух цехов, Навальник парсировского цеха вначале не согласился на это. Не то, чтобы он не верил в успех Жукона, а просто прыхал у себя в цехе иметь своего токаря. Случай помог Николаю настоять на своём.

В парсировском лопнула важная деталь. Чтобы ликвидировать аварию, надо было срочно выгнать сорок шесть болтов и нарезать на них резьбу. Жукон авася помочь соседям, хотя и Навальник и предупредил:

— Постарайся сделать не за счёт наших деталей.

Николай мастерски изготовил болты в срок выключил своё задание.

Так Жукон начал изготавливать детали для двух цехов.

Но и опыт Николай не успокоился. Он искал всё новые и новые пути к повышению производительности труда. То требует увеличения скорости наладочного круга, чтобы ещё убавить время на заточку резцов, то советует использовать старые станки, то предлагает мойкой слесарей, чтобы можно убирать стружку, не выключая станка.

— Уж не собиришься ли ты обдуживать три часа? — спросил его как-то мастер.

Николай серьёзно ответил:

— Всё может быть!

— А время где и идёт. У Жукона родился теперь сам коммунист, студент, Николай — теперь сам коммунист, студент четвёртого курса машиностроительного техникума и уже не токар, а инженер по технике безопасности в пресосом цехе. Давно оставил он электрослюдов, но никогда не забудет Андрияна. По старинке, так и надо заходить к нему и чутче-чутче ревниво наблюдать, как умно и точно работает Пётр Александров гаги к сердцам других молодых рабочих.

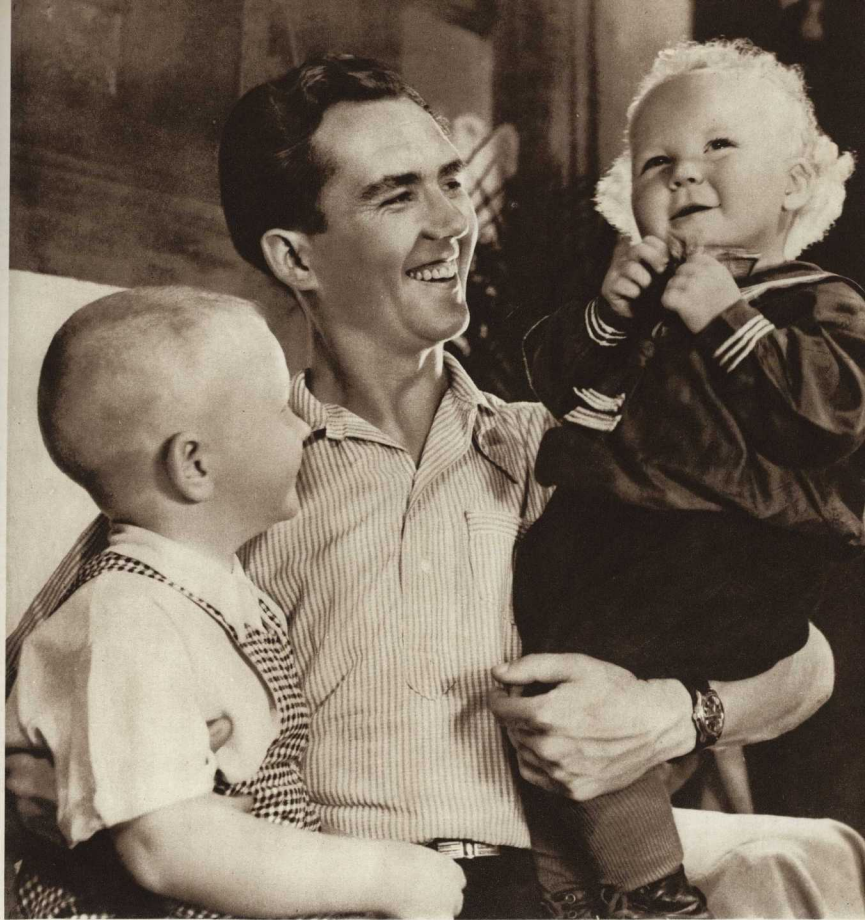
Вон там стоит станок выпуклинка ремесленного увидица Виктора Замотавы. Покаяла цех, Николай перелазил ему весь свой токарный инструмент, чтобы ещё раз взглянуть в экомомом.

Хороший, стоящий парень! Сейчас говорит в цехе:

— Замотав работает по-жуковски! Воспитавший Андрианым, Жукон сам стал воспитателем.

И наконец Николаю, что он всегда будет оптимистически встречать с коммунистом Андрианым и эти впервые услышанные от его слова вождя: «Новые люди, новые времена, — новые технические нормы».

Николай Жуков дома.
(К очерку «Новые люди»).

Фото А. Боналова

Один из лучших молодых сталеваров
завода «Электросталь» Иван Бусаров.

Фото А. Моклецова

Зайчик

Новый посеток строителей — протестный, благоустроенный, с широкими, прямыми, щедро освещёнными улицами, со сталинскими самоподобными автобусами, надменно пропывающими мимо маленьких восточных домиков, — как-то вдруг обрвался у последнего чуждого светлячка, и сразу открылась степь. В густой дымке зашпиёванной метели она казалась первозданной. Вотер замотал на ней одинокий человеческий след.

Спутник мой, инженер в щеголеватой форме железнодорожника, показал на этот запотыпаный метелью след и, ухмыльнувшись, вдруг запел маленьким приятным баритонцем:

Степь да степь протюм,
Путь даётся левым,
Как во той степи
Заморская ямщина...

— Похоже, а? Свистит, крутит! Неубудная стихия... А ведь тут уром мой автоколонила прошла. Машин пятьдесят, тубинги по станинм переролила. — Он приподнял рукава форменной шпильки и глянул на часы. — А через час автобусы с шахт людей повезут... Вот она какая у нас, стихия-то!

Было замечено, что инженер любит порисоваться перед новым в этих краях человеком, необходимость условий, в каких зим, метростроениям столиц, доводиться рыть тут русло подземной реки.

Машина двинулась навстречу бурну, как бы осторожно, напущившая колёсами дорогу, маневрируя между курящимися снежными ямами. Одинокий человеческий след, то уже почти заисчезший, то чётко вырисовывавшийся в красном снеге фар, всё ещё тянулся пунктиром вдоль дороги, как бы подчёркивая степное безделье.

— Это маркшейдер Горохов, — предположил инженер и, повернувшись с переднего сиденья, пояснил: — Есть у нас тут один комик, фигуру бережёт и ходит пешком с работы и на работу.

— Нет, не Горохов, — возразил шофёр, не отходя с дороги напряжённого взгляда. — Горохову в эту пору с шахты на поселок идти, а след-то, вот он, как раз обретенный. Да и маленький следок, вроде бы детский. Интересно, кого это в такую дрякую метельку в степь повнесло?

Между тем след становился всё более чётким, и вдруг, когда машину подкинуло на очередной снежной, как выражался шофёр, «переломке», отны фар, взметнувшись, осветил вперед маленькую фигурку, сса различитую сквозь частую штриховку несущего снега.

— Что я говорю! Видите, мальчишка, — сказала шофёр. — Вот мамаша — разная: выпустила одного в такую пору!

Действительно, это был подросток. В уланке, в ватнике, в стёганых шароварах, заправленных в валенки, с двумя тютюками, висевшими у него на плече наперевес, он остановился и, сойдя на обочину, решительно поднял руку. Вёсь, с головы до ног, он был облеплен снегом.

— Заберёт? — спросил шофёр, тормозя машину.

— Ну, чего спрашиваешь! — отозвалась инженер и, перегнувшись через спинку сиденья, открыла заднюю дверь. — Эй, орёл, влезай! Никому тебя за уши крепить! Замерз?

Пареньк подошёл к машине и, сняв с плеча свои тютюки, протянул их мне. Это были связки книги, довольно тяжёлые. Увидев книги, инженер и шофёр почти одновременно, один удивлённо, другой с плохо скрываемым смущением, воскликнули:

— Валя!
Пареньк между тем отряхнул снег, облокалти о подножку валянки и влез в машину. Крутое лицо его шмыгло, исхлёбанное степным ветром. На бровях, на детском гупшке, покрывавшем его налитые щёки, белесели ледяные кристаллики. Большие очки, сразу же заплотешшие в тепле машины, сверкавшие его глаз. Па-

Писатель, лауреат Сталинской премии, Борис Николаевич Полевой недавно закончил книгу рассказов «Современники о простых советских людях. Эта книга соведена на материале, который автор собрал во время своих многочисленных поездок на великие стройки коммунизма.
«Смена» публикует два рассказа из книги «Современники». Полностью новая книга Б. Н. Полевого будет издана Государственным издательством Детской литературы.

решиё кое-как разместился на сиденье, на ошупь удостоверился, что книги его тут, и вдруг необычайно мелодичным для мальчика голосом произнёс:

— Ну и метельца! Ухвал! Протиную-то руки не видно. Спасибо, товарищи, что заставили.

Он снис окая, чтобы их протереть, и, к удивлению моему, оказалась прехорошенькой круглолицей девчушкой лет семнадцати. Разглядев инженера, девчушка подняла свои чёрные брови, на

которых так и искрились росники влаги.

— Это вы, Иван Кириллович! А я думаю, что это в такую метель да на «Победу»... Вот и не зря меня подобрали. Я вашу просьбу не только выполнила, а и перевыполнила. Вот! — Девчушка многозначительно похлопала рукавичкой по одному из своих тютюков.

— Если бы у меня ее начальники шахт так слово держали! — отозвался инженер. — Но как же это вы, Валенька, ухитрились перевыполнить мою заявку? Я, сколько мне помнится, просила вас достать только брошюру Поселова.

— Везу, везу вам Поселова! Ещё везу интересный сборник о международном значении ленинизма, потом статью Мю Цзэ-дуна... А вам спасибо, выручили... Иду и думаю: а вдруг опоздаю на первую шахту к смене! Сама утром им позвонила: мол, буду... и вдруг не приду!..

— И не пришла бы, какая бодя!.. Из-за этого у них там обвала бы не произошло. Разве это резон — в темь, а метель, а пешком? — заворчал шофёр.

— Ну-ну, вы так, товарищ Петухов, не говорите. Завтра воскресенье, отдых, как же люди без книг... Сами мне каждый раз про «Путячёва» напоминаете.

— Неужели достал! — оживился шофёр и обернулся так резко, что машина метнулась в сторону.

— Увы, «Путячёва» всё ещё механик Сергей держит. Все три тома. Тёща читает. Вы знаете, товарищ, тёща Сергея — это мой зятек... Страшно ничитанная тёща, но книги так и хвалят, но читать ужасно медленно. Спрашивается: нух очко рабши. Я вот всё собираюсь заказать ей в городе очко, а она мне всё книжный конейфер задерживает.

Капельки растаявшего снега всё ещё сверкали на бровях, на щеках, на локотке, выбивавшем из-под ушанки, но девчушка, по видимому, чувствовала себя в случайно подобранный её машине совершенно как дома. Непринужденно болая, она добродушно и доверливо посматривала вокруг юными заветностями, очень, должно быть, близкими глазами, кивавшими неосторожно большими за толстыми лизями. От неё воняло книжью, морозом и какой-то яной чистотой.

— А Громову я, кажется, выговор влезла в прыжке за то, что он вам машины не даёт, — сказала инженер, и чувствовалось, что с трудом сдерживает улыбку.

— Что вы, Иван Кириллович, как можно! — всполошилась Валя. — Товарищ Громов действительно скучоват, но ведь он же хозяйственный. И машину он мне дал — целый семитонный самосвал. Но я отправила его за углями для брикетерки. Подумавшись, рассчитала — семь километров, что я, хвостыял барышня, маленькая дочка какаля-нибудь! Я такой же работница, как и все... Простите, товарищ, а вы не новый инженер с третьей шахты? Нет? А то тут повисла какой-то странной инженер, вот уже месяц работает и ни одной книжки у меня не взял.

Узнав, что я из Москвы, девчушка смолкла. Она заблалась в уголок сиденья и затихла, придерживая спинку книги, чтобы они не могли упасть по кабиню. Странно было увидеть на её круглом лице, таком руганьем и здоровым, налет задумчивой грусти.

— Москва! У меня там мама... На Арбате... Старенькая уже... Она даже не плакала, когда я заявила, что еду на стройку коммунизма. Она только сказала: «Куда ты, Валёк, со своими глазами, ты ж ничего не видишь, будешь ты всё вытаскивать, всем мешать...» Иван Кириллович, а разве кому-нибудь мешало? Я, ко-

Рисунок Г. Валашова

нечно, на подмене мне не пропущу, но я же приношу пользу? Работать? А хорошо сейчас в Москве, да? — Девушка оживилась, за толстыми линзами очков в блузочных глазах её сверкнула отчаянная лукавнина. — Вы скоро обрятеёте? Вот же чудно, вы мне помогаете. Я дам вам маленький списокчик, вы найдёте в Ленинском клубе библиотеку и увидите, кто прислать мне из переводнического фонда все эти книги. Ладно? На месяц... Тут у нас три кандидатыские диссертации зашивают. Я им литературу выписала через обменный фонд, но не всё, кое-чего не хватает. Обещаете? Обещаете, а? Ну найдите, кто вам стоит!

— Ещё не родился такой человек, который посмел бы отказывать Нику Валю, — заметил инженер. — Тут к нам для консультации один академик приезжал, так она у него ещё не заданный курс лекций для наших диссертантов выписала. И ведь что удивительно, негодование сопротивлялась. Прислала.

— А как же! — убеждённо проговорила Валя. — Что же, мне научную работу прекращать из-за того, что они тут, на стройке, а ты в Москве?

— И много у вас книг читают? — Строго следя тёмные, чётко очерченные брови со щечками у переносы, девушка бросила на меня уныловатый взгляд.

— Скажите сначала, почему вы это спросили? — Она сердитым жестом достаёт откуда-то из кармана ватника кожаную папку, протянула мне и провнесла с подчёркнутой сухостью: — Можете просмотреть абонементы первой шахты.

— Знаюшная пухлая папка ещё хранила валяно живое тепло. Девушка сейчас же её отобрала, без выбора выдернула абонементную карточку и, держа её, точно хрупку и оцень дорогую ей вещь, серчала.

— Вот Попов Матвей, Прохорчик. Каждый месяц ставит рекорд и сам его любит. Очень знающий человек. Ведь ты, Иван Кириллович? Прочёл за год семнадцать книг. И кикки! Смотрите, смотрите! Зинька «Происхождение семьи», Ленин «Материализм и эмпириокритицизм», Чернышевский «Что делать?», Сейчас вот ему четырёртый том Сочинений Сталина везу... Он учится по первоисточникам.

— Замалками абонементные карточки, фамилии, названия книг. Очки Валя победно сверсверивала. Она, должно быть, решив окончательно посрамить человека, который, как ей показалось, уоинился в её читателях, бросала мне на колени одну карточку за другой.

— Ну, а новое что-нибудь удалось вам достать? — незаметно подмигнув мне, спросила инженер.

— А как же! Мне на этот раз «Фюларис», как выражается у нас знаменитый бригадир комсомольско-проходчиков Алексей Лишёв... Во-первых, удалось за изучающих достать пятнадцать книг по историческому материализму. Знатьте, как это сейчас трудно! Во-вторых, Алексей Лишёв везу полный комплект учебника для десятого класса. Он ведь в обязательном порядке выполнять план проходили на сто вошедшего процентов и сдать на «отлично» экзамены на аттестат зрелости. Ведь пришлось для этого в район ехать, до самого секретаря райкома дошла. В-третьих... Ой, кажется, уже приехали! Вот хороше-то! Автобусы ещё стоят, возвращают смену застряли.

— Вперед, за мараловой сеткой метали, в свете слепых проекторов мутно вырисовывались новья, не обдутой ещё ветрами забор, невысокий терриконовый, усечённая пирамида копра и контуры промышленных построек, почти заштрихованные коос летящим снегом. Возле ворот проходной терсмились автобусы и машины, толпою бы прикрывая белой вьюгой.

— Вот спасибо-то вам, Иван Кириллович! Аша Лишёв да мне слово завтра весь день заниматься, а книжки-то и не приехали бы! Вот он теперь обрывается! Он ведь очень хороший, этот товарищ Лишёв, правда, Иван Кириллович?

— Должно быть, мы всё-таки немного опоздали. Когда «Победу» отформовали у деревянного крыльца проходной и Валя, выразившись из мандража, высунувшая свой толстый язык, двора от крыльца и делья стайка ремесленников выслеснула наружу. Они бросились бежать к машинам занимать места поучине, но маленький смуглый парнишка в форменной фуражке, замолоченной на самое ухо, заметив Валя, сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

— Тебё! Зайчик припрятал! Ура! — Он бросился к машине, крича каким-то своим приятелям, ещё толканившимся в проходной: — Эй, втягивай, бегите к Лишёву, он в душевой, скажите, мол, его Зайчик прибрал. Порадуйте бригадира!

— Лицо Валя, всё ещё увлекательно расплывавшиеся книжки, зардевалось.

— Ужасно несерьёзный тип этот Бобров. Читает только приключенческие романы, и всякий вздор у него в голове.

— Между тем ребята уже обступили девушку.

— А ну признавайся, чего мне достало! — наступала на неё «несерьёзный тип», и его чёрные цыганские глаза шарили по корням книг.

— Вам, Бобро, я привезла «Азиму» Толстого. Но если судить по вашему поведению, вам надо было бы привезти журнал «Мурзилку».

— Паренёк взял книжку и, расплывшись в формуляре, не без яда ответил:

— «Мурзилку» вы привезете вашему Лишёву. Потенциальный бригадир вам вроде не впадает в детство, так что «Мурзилка»...

— Что, что? — спокойно и строго спросил роумый юноша в розочной пльжиковой ушанке и ватнике, небрежно накинутом на широкие плечи, заслоняя собой от Валя всё окружавшую её толпу. Вся его криксивая фигура, массивное лицо, ещё розовое от банного жара, крупнанные губы, большой раздвоенный подбор-

док — всё дышало добродушной силой. Его рука, от которой ещё падал парок, прочно лежала на плече Боброва, который, сразу адрог присмерев, внимательно перелстывала страницы полученной книги.

— Что ты сказал? — повторил великан, и паренёк присел под его тяжёлой рукой.

— А вот, Алексей Семёнович, говорю ребятам: сообщите товарищу Лишёву: мол, товарищ Зайцева, Валентина Фёдоровна, с книгами прибрала... Больше ничего, вон ребята подтвердят.

Добродушный гигант легкочю оттокнул паренька:

— Её ступица, а работе бы думал! — Левой рукой он поинна об тычка с книгами, положила, пока инженер вернёт Вале свой формуляр, и бережно азал её под руку, повёл к проходной, откуда уже вала народ.

— Спасибо, Валя, за книги! — крикнула уже им всад инженер.

— Как «Глутич» освободится от этой зашоренной теши, обо мне не забудете, — напомнила шифёр.

— Сторожко пробирался сквозь толпу, уже теснившуюся у автобусов, машина выехала на завьюженную дорогу и продолжала путь. В коссе смотровые зеркала было видно, что шифёр улыбается. Инженер снова принался тизькомю настраивать под нос про степь, про замерзавшего змишка, но в таком резвом и бодром темпе, что зивичко печальная тень его азалась даже воевом.

— Огни шахты давно остались позади, увалину в густом снежном месине. Попережму на сотни километров крутом растиславшем бесконечные, занесённые снегом просторы. Колочные вихри беспорочно гуляли по ним, но теперь как-то не думались об этом, проваливаясь по выемкам, думалось о том, что вот тут, на большой глубине, может быть, под этой ворогой, где машина с трудом прокладывает путь между стубрами, люди, вооружённые самой современной техникой, копают русло будущей подземной реки.

Золотая медведь

— Ведь вот, кажется, будто и просто выполнить вашу просьбу. Столько людей каждый день видншь, столько кругом народа, не бывающего...

Начальник службы поднялся из-за стола, пролёксь по комнате, выходясьеся, арыя извлеклись, он ещё поворачивался. Выла ночь. В кизнере, чисто прибранной, но по-колостому неуютной, было тихо. Постукивала вода в батареях парового отопления. Где-то далеко но очень умело играл на гармошке. Но однообразная её мелодия, смятённая стенами, едва слышная, приобтерала кивку-то особую прелесть.

— Рассказать о какой-нибудь интересной, особо запомнившейся встрече?... Так, так, так...

Собеседник прозвизг это задумчиво, как бы разговаривая сам с собой. Высокий, тяжёловесный и в то же время какой-то весь собранный, с голым, чисто выбранным черепом, он остановился около одного из окон и обтресна шторм.

Чёрная тустая тьма прильнула к стеклу. На её фоне, как на старой китайской гравюре, вырисовывались претудивавые контуры скалозачного леса, искусно начерченные морозом.

Стрелка на стинных часах медленно шла по кругу. Казалось, хозяин кабинета, стоя у окна, думает о чём-то своём, очень далёком от заданного ему вопроса. А может быть, ни о чём не думает, а просто отдувается от многочисленных забот как стога зардема с открытыми глазами, как это случалось на фронте с командирами в дни больших наступлений.

— Неожиданно он резко оторвался от окна:

— Хорошо. Я расскажу, пожалуй, один такой случай. Только не увлекайтесь в случай, будничней и даже с замыслами, дамы прямого отношения не имеет. Садитесь, а я буду ходить. Так, на ногах, мне лучше отдыхается.

Произошло это в управленции, в моём кабинете. Народу ко мне ходит много. И вот как-то в начале лета предства передо мной какой-то молодой человек. Вошёл и говорит: «Я и вам с жалобой илю историком в управленции». Произнес он это тихо, вежливо, но почему-то я понял, что в нём всё kinetic и что, должно быть, все силы напряжены, чтобы не сорваться... Пригласедал. Лицо крупное, некрасивое, но привлекательное книжеской чистотой своей, что ли. Глаза сердитые, на щеках румянец пятнами, скулы тих и ходят... Омель он мне адул почему-то сына моего Борьку, напомнима, который потог где-то в этих краях в сорак втором году.

— «Тю, ж, говорю, — садитесь, молодой человек, выкладывайте, чет мне управление вам не угодило».

Бросил он на меня сердитый взгляд, «Азы, — говорит, — товарищ начальник, я сейчас буду говорить, не улыбайтесь. Я пришёл заявить, что набором кадров ведуют у вас сухие чиновники, деягия, плохо разбирившиеся в политике партии». Отвечая ему совершенно искренне: от вас, мол, первого такое слышу, очень строгий, должно быть, вы человек... А надо вам сказать, что на кадрах сидят у нас люди толковые, опытные. Говорю ему: «Пере-

хотите, товарищ, к фактам. Чем это наши кадры в ваших глазах так себя уродуют?

Он весь как вспыхнет: «Прочту оставить штатный тон! Я такой же советский гражданин, как и вы, пришёл к вам по делу, и умоляю слушать серьёзно». Отчитал он меня таким образом и выкладывает жалобу. Оказывается, не принял его на курсы экскаваторщиков. У него среднее образование и ему предлагают идти на альбомные курсы: дескриптов, геодезистов, лаборантов, диспетчеров. А он в экскаваторщики — и только!

Выслушав я его и отвечаю, что ежели он прав, то сухой и отсталый чиновник — это я сам, потому что именно и такой приказ и подписал. Он хмуро мне так: «Неверный приказ, отменить...» Очень он был хорош этой своей кривой настоятельностью, непосредственностью, верой в свою правоту. В искренности его вступлении было что-то захватывающее, и захотелось мне обязательно убедить его в моей правоте.

Чуть не насильно усадив его в кресло и говоря: давайте, мол, объясните подробно, почему приказ мой кажется вам неверным. На стройку коммунизма стремиться повелев не вы один. Тысячи! Наша и моя личная обязанность — целесообразно, с большой пользой распределить людей, помочь им найти профессию. Тех, кто имеет аттестат зрелости, мы направляем туда, где им образование может быть больше пригодится. Случался он меня, слушая да как вскопич! В глазах торжество, какое иной раз видишь у задрожавшего охотника, когда ему хитрую дичь удалось взять на мушку.

«У вас, — говорит, — стройка коммунизма, ведь так? Здесь столько техники и такой техника, что основные различия между умственным и физическим трудом тут у вас быстрее ликвидируются. Так? Я, — говорит, — уже побывал на объектах, видел машины. Разве у тех, кто на них работает, физический, а не умственный труд? И, не давая мне возразить, кричит: «Разве с ним сравним труд дескрипта? Труд, — кричит, — в нашей стране — творчество, а творчество — это уже сфера ума, а не физической силы... И советую вам отменить свой приказ, и как можно скорее...»

И всё это говорится с такой горчатостью, с таким сознанием правоты, что и рассердиться-то на него нельзя. Понравился он мне очень. Но ведь таких сотни. Признаюсь вам, больно мне было ему откликаться, и повстрался я это сделать как можно меньше. Убеждаю, мол, ваше стремление, но исключение для вас делать не считая возможным.

Всёчас, глянув на меня этиким исполнением взглядом, выхватил из кармана красненькую коробочку, что-то оттуда вытаскивал и бряк мне о стекло стола! Это была золотая медаль. «Меня, — говорит, — с этим в университет без экзаменов прикут, а вы на курсы экскаваторщиков не пускаете. Ничего, — говорит, — я прав и своего добьюсь». Вышел и дверь хлопнула так, что штукатурка посыпалась...

Начальник стройки, продолжавший всё время ходить, остановился у стола. На лице у него появилось какое-то новое выражение: оно будто обмякло и оттого сразу постерло, но стало проще и мудрее.

— Очень, ну очень он мне моего Борьку напомнил... Тот с первого курса машиностроительного пошёл добровольцем на войну. Должно быть, так же вот скандальна в военкомате, оставившая своё право идти на фронт.

— Ну, а этот как?

— Что вы спросили?.. Ах да, как этот юноша с золотой медалью? Он пожаловался на меня министру, нам разъяснил, что приказ неверный. Пришлось отменить.

— А сам он?

— Сам-то?

Начальник порылся в бумагах, стопками лежавших на окне, вынул вырезку из газеты, хранившуюся в одной из папок. На фотографии на фоне четырёхкубового экскаватора «Урален» был сфотографирован высокий худой парень, с крупными, угловатым лицом. Внизу была помещена статья, в которой рассказывалось, как он и его молодёжная бригада отличились на проходке трудного участка и какое интересное нововведение он для этого придумал.

— Это он?

Собеседник не отговаривал. Опять стоял он у окна, смотрел куда-то вдали, во тьму, может быть, на дальние огни стройки.

Александр МЕЖИРОВ

НА ВОЛГЕ

— Сколько стоит гармонка?

— Триста

Шестьдесят четыре рубля.
Продавщица на гармониста
Загляделась, товар звала.

Магазин повернулся к Волге,
Перед окнами набе рекой.
Три гармоны стоят на полке,
Три трёхрядки — одна к одной.

Под рессинами смех лужится,
На румяных щеках горит.
Черноглазая продавщица
Покупателю говорит:

— Вы лады у неё проверьте,
Растяните её меха,
Чтобы как-нибудь на концерте
Не дала она пелуга,

Чтобы головы закружила
Всем, кто встретит её хоть раз,

Чтобы сразу приворожила
Ту, что слушать не хочет вас.

И о чём-то смеётся звонко,
Да никак не поймём, о чём...
У порога кричат трёхтонка,
Нагруженная кирпичом.

У порога стоит, вздыхая,
Отдыхает неважко путь.
На спидометре даль такая,
Просто боязно заглянуть.

Отвечает шюфёр девчонке:
— Ты, весёлая, не шути,
Потому что гармонь в трёхтонке
Ждут ужастые пути.

Упакуй её, недотрогу,
Сделай уютным футляр внутри,
Честь по чести её в дорогу,
Как положено, собери.

...До свиданья, гармонь! До встречи!
Терахтит западный земис.
Над барачной, сутлая плещи,
Улыбается гармонист.

Сладом вьётся седая грива,
Оседая по сторонам.
До свиданья, гармонь! Счастливо!
Салышут, язвятся трохт язвара?
Салкутут волжане трохт.

Поезжай по степному лету,
В зное, в колючи и в пылы!
Всех, кто строит залютину эту,
Переборями ошам!

А за паломом лежит лошона,
Где недавно мотор заглох.
Там над окнами магазина
Занавесок переполох.

Там, приятно по-волжски okay,
Разговориваю со мной,
Смотрит душника чернокожая
Вслед машине, на плёб речной.

Степная ожила равнина:
Бегут огни со всех сторон.
Перепоясав Тихий Дон,
Легла Цимлянская плотина.

Советские гордятся люди
Величьем своего труда:
В стране отныне навсегда
Донская сильная вода
На коммунизм работать будет.

Елена ОЗЕРКОВА

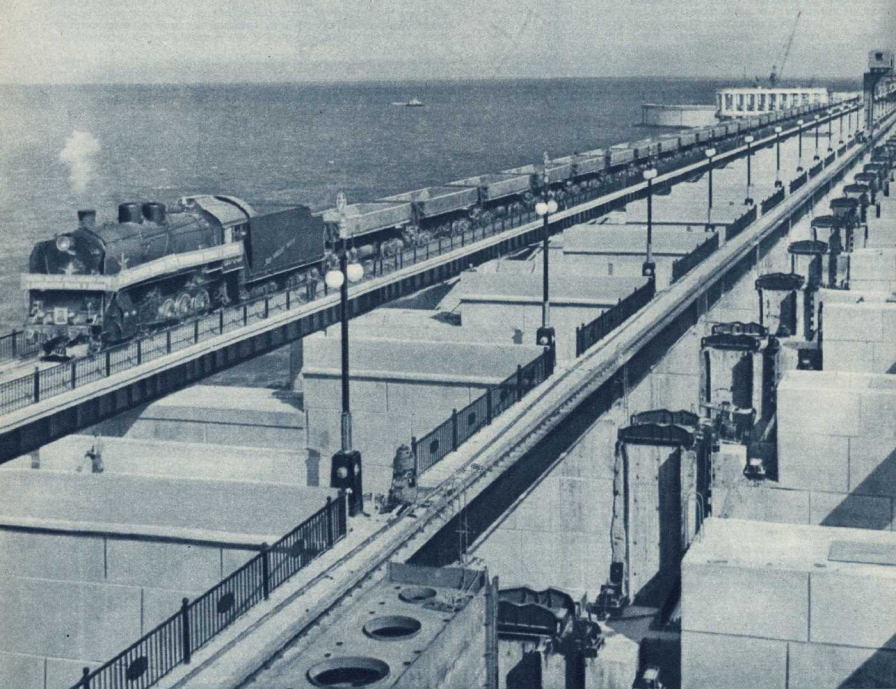

Фото Я. Халипа

Армия моя

Не было меня ещё на свете
В ночь, когда по стынущему льду
Гнал поёмку злой февральский ветер
В давнем, девятнадцатом году.

Утром — в бой. Рассвет ещё не скоро.
В тесный круг уехали в котра
Комсомольцы армии, которой
Ровно год исполнился вчера.

Говори, весёлый пулемётчик,
Кратко биографию свою!
В комсомол был принят твой юноша
Парень, отличившийся в бою.

Не одну о нём сложим песню,
И не раз в дыму, в крошевной мгле
Вместе с ним страны моей ровесник
Шёл в бой за мир на всей земле.

Им, как сыном, Родина гордится,
И среди многих боевых наград
Не тускнеет орден за Царицын
Рядом с орденом за Сталинград.

И меня, советского солдата,
Что за мир и счастье воевал,
Он, комсомолец в ряд, в сорок пятном,
В комсомольцы рекомендовал.

Так идёт, бессмертная, оковы дым
Видя, бесстрашную семью —
Армия советского народа,
Юность комсомольская моя!

Иван РЯДЧЕНКО

У пушки с фрегата "Тигр"

Есть в Одессе на бульваре место,
где и днём и вечером народ,
где, волнуясь, жёны и невесты
жадут всегда заветный теплоход.
Над бульваром, славою не богата,
замерла чугунином молочным
пушка с иностранного фрегата,
что с Россией захочет когда-то
говорить британским языком.
(Сам фрегат лежит на дне морском.)
Много прошумело грозных выстрелов,
много на мою страну труда
легло лески и «пантеры» и «тигры»...
Мы их укротили
навегда.

Мы о пушке с бывшего фрегата
дышим крепким воздухом морским,
вспоминаем труд своей бригады,
доустанам
о чувствах говорим.
Мы простые люди доброй воли
и хотим,

на счастье всей земли,
чтоб шпенделя колосилась в поле,
в мирный рейс
ходили корабли.
Если же нам опять войну навяжут,
слово чести:
мы найдём в стране
место, где поставят пушки вражды,
как надгробный памятник
войне!

г. Одесса.

М. ЧАЧКО

ПАШОК

Рассказ

В полдень занятия в младших классах закончились, и Пашка Селезнев, в небольшие сапожки с большой, сползающей на уши фуражке, прямо из школы забежал к Градовым. Дома была только бабушка Анисья. Мальчик торопливо поздоровался и спросил:

— А где дядя Фёдор?

— Кто его знает, — певуче ответила старушка и кончиком белой косынки вытерла тоненькие губы. — Встал ни свет, ни заря и подался по делам. А ночью опить, сердечный, мамасы...

Не теряя времени, Пашка отправился дальше на поиски друга всех местных пионеров — секретаря партийной организации колхоза Фёдора Градова. Он побывал на площадке стрелковой амбулатории, в сельсовете, в клубе и, наконец, уже отчаявшись, напёрл Градова во дворе механической мастерской. Сидя на краю верстака, тот беседовал с двумя саесарями-монтажниками. В чёрном суконном пальто Градов выглядел совсем ещё молодым человеком, хотя было ему уже за тридцать. Черты лица у него были крупные, но красивые, освещённые доброй улыбкой.

— А-а, Пашок! — дружески приветствовал Градов мальчика, оборачиваясь к нему и протягивая руку. — Пришёл порадовать первой пятёркой?

— Дядя Фёдор! — запыхавшись, выпалил Пашка. — В Матюку из Моек академик прислава, рыбачить на озере...

Градов посмотрел на саесарей, вновь начавших работать, и добродушно засмеялся:

— На доброе здоровье. Должно быть, большой любитель, раз к нам добрался.

А тебя, Пашок, он в компании, что ли, притащил?

Пашка досаждая поморщился и замал руками:

— Э-э, дядя Фёдор! Как вы не понимаете! Академик этот — хирург Степанов, портрет его в «Огоньке» был. Первый наш московский хирург!

Выражение ласковой насмешливости на лице Градова уступило место любопытству. Явно заинтересованным, он спросил:

— В самом деле? А ты как узнал?

— Сеня из нашего класса рассказывал. Академик в их избе поселился. Вот удача: он-то ваш осколок имиг вытанит!

Неделю до тому назад на воскресенье Фёдор Градов, помогая строителям заделывать брешь в плотине, долго пробыл в стуждой воде. К вечеру он почувствовал, что осколок мины, лежащий возле сердца, вдруг занял, будто ожил. Пашка, часто бывавший у Градовых, со слов бабушки Анисьи узнал, как терпеливо переносит дядя Фёдор боль, и забеспокоился. Один раз Пашка попытался выяснить, когда дядя Фёдор поедет в районную поликлинику, но тот полушутливо, полусердито оборвал мальчика...

Некоторое время Градов молчал.

— Да, — беспорядочно провёл он, инстинктивно потряхиваясь, до левой стороны груди. — С академиком, конечно, неплохо бы посоветоваться... Да, наверное, не удастся.

— Это почему же? — удивился Пашка, возбужденно сцепив пальцы на затылке. — До Матюки рукой подать. На лошади за десять минут доедете.

— Оно-то верно. Да стоит ли ехать, Пашок?

Он заколосился, подица с земан крупную шишку, помпа еб пальцами и, глядя на мальчика своими добрыми глазами, задумчиво, тихо, точно рассуждая сам с собой, продолжал:

— Сам ты посуди, доройго. Приехал академик Степанов в нашу сторону отдохнуть, свежих сил набраться. Должно быть, нужен ему покойный покой. А тут нарчим мы, местные жители, его осеждать. Я со своим оскоком, другой ещё с товарищем. Хорошо ли? Нет, не годится. Пусть себе академик Степанов на озере рыбачит в своё удовольствие, любитесь своей лесной красотой и здоровье ещё поправляет. Должно ему здесь понравиться, такой уж у нас край — весь очаровывает.

А заниматься старым оскоком мне, дружок мой Пашка, теперь никак невозможно. Сам попомнешь. Вот койчим строюк, зимнюю учёбу валадим, можно будет и в райбуноу большаку походить. Там тоже большоу специалистну зимокет. Верю, Пашка?

Большой, сильный Градов исповного улабаса, будто боится, что его слова могут опорнать, обидеть мальчика. Пашка нахмурился.

— Всегда вы так, дядя Фёдор! — вскрикнул крикнул Пашка и рывёв рудами. — Такой слауку упустили!

Не прощаясь, мальчик повернул к воротам, и до его наклонённой голове, по вымакам лу и даже по сметка почкавквквквквк за плечами рипуу было видно, что он сильно расстроен.

Но мог Пашка успокоится и дома. Он всё задумывался, непонятно отвечая матери, собиравшей ему обед, раза два принимался то за заглядывание, то за «Родную речь», но на сей раз уроки не шли ни ум. Всё мерещилось ему дядя Градовым в плукоу, полночное время. Все спит, только один дядя Фёдор лежит с открытыми глазами. Ноет, зудит старая рана. Дядя Фёдор не спонет, чтобы никого не потривозить. И только бабка Алисия материнским сердцем чует боля сына...

Мальчику но по себе, и он выходит на улицу. Никого из товарищей не видно. Несколька малышней играют в лапту на болом песке у колодца. Но к ним Пашке —

ученику четвёртого класса — присоединяться уже неудобно. Уговорить бы ребят пойти в лес по грибы! Мысль эта лениво пещельнулась в голову, не пробудив желаний.

День ясный, светлый, почти такой же, как и в середине лета, но деревья, овеянные первым холодным дыханием осени, уже увядают. С осин, медленно жухнущих, падают листья. Воздух прозрачен, чист. Стоял среди молодых балышка топографическая вышка видна отчётливо, хотя до неё не меньше двух километров. Вправо от неё дорога до села Матовки. Если идти лесной тропой, то до Матовки не больше трёх километров. Сейчас там находится человек, который может помочь дяде Фёдору...

И Пашку вдруг потянуло в Матовку. «Только погляжу на академика и уйду», — думала Пашка, быстро шагнул по усыпанной рыжей хвоей тропе. Занятый своими думами, мальчик не замечал белок, малакших среди веток, не слышал допевавших свои прощальные песни перелётных птиц. Дорога прошла незаметно, и вскоре в просвете между деревьями показались крыши Матовки.

Дом наикшего приятеля стоял в самом конце улицы, и как только мальчик увидел издали скворчоню над крышей, высокое крылечко с резными столбиками, он овалдело маладушею. Что, собственно говоря, он ожидал, когда переступит порог дома? Спросит Сенюку о заданных уроках?

Асс очкичался, и Пашка подошёл к дому. На колодах, лежащих у ворот, сидела какой-то человек в широкой охотничьей куртке с большими карманами. Голова у него была совершенно седая, лицо же ещё молодое, хотя утомлённое, бледное. Гле-то Пашка уже видел эту седую голову, высокий лоб и серые, сметка прищуренные глаза. О, да ведь это и есть академик Степанов, чей портрет был помещён в «Югонец»!

— Здравствуйте, — едва слышно пролепетала Пашка и встала на место, не в силах шевельнуть ногой.

— Здравствуйте, мальчик, — тихо почувствовал Сенюка, и спросил, ответил академик и сметка улабасу. От этой улабки его строго, почти строгое лицо озарилось таким же выраженным участием и расположением, какое Пашка часто замечала на лицах разговаривавших с ним взрослых: отнимать отнимать отнимать.

Некоторые время прошло в молчании. Академик, должно быть, удивлялся тем, что мальчик не уходит, мягко спросил: — В гости приехать к Сенюке?

Неожиданно тихо, но инстинктивно Пашка ответил:

— Нет, к вам. Академик пристально посмотрел на стоящего перед ним мальчика и скорее суюх, чем приметливо, произнес:

— Я слышал, что тебе нужно, мальчик? — Он спросил, и мальчик, — высоко и звонко выпалил Пашка, — Заболела партнору, дядя Фёдор, а фамилия его — Градов. С войны осколок у него в груди остался, а теперь опять стал беспокоит. А дядя Фёдор пришло всё спонет. Такой уж это человек! Сам он до всех заботится, а о себе совсем не думает, себя не березит. Вон на платине, когда рывёв перемичку, первый в воду полел. А летать было нельзя: очень стуженная вода. И всегда он так не самое трудное дум, с собой не считывается... Удалить бы тот осколок, чтобы не мешал он дяде Фёдору во всё свою трудиться...

Пашка говорила быстро, горячо, не делая пауз. Глаза у него сверкали, щеки горели, безграничной любовью к партнору дивилово было его слово. В его возмалованной речи слышались отзвуки и того, что говорил взрослым о Градове.

Академик сидел всё так же неподвижно, в углублённой позе, только строгое лицо его постепенно смаялось, только удивленно, но всё же, улабасало от удовольствия.

— Ну, что ж, — произнёс академик, когда Пашка, глубоко вздохнув, замолк. — Пусть твой дядя Фёдор зайдет, а я его посмотрю.

— Разве его затащили? — вырвалось у Пашки. — Сейчас самая горячая пора на стройке электростанции, а там, глядишь, другое какое-нибудь дело подождет. Да и нас беспокоит стужа...

— А ты не постеснялся?

— Так и же не дал себя.

— Это верно, — улабасала академик. Он встал, малюком изглянула на свои ругные часыки, на небо и просто, деловито предлолка: — Тогда пойдем к нему.

Пашка совсем не ожидал такого быстрого согласия и растерялся.

— А мы и Тайнону, соседней деревни. Отсюда ребята в нашу школу пешком идут. А для нас можно лошадей в сельхозе попросить, а мингом сбегоа. Председатель не откажет...

— Не надо, — отрезала его Степанов за руку. — Лучше мы с тобой пройдемся, раз ты говоришь, что близко.

И они шагали по лесной дороге: содой, уже немного стёрпанной, известной всей стране академик Антон Иннокентьевич Степанов и резулчущий, востроглазый, алгоныкый как ипшук человек, не испугавшийся прибавки ходу. Пашка сунула два пальца в рот и озорно, злывающихся синисту. Запча точно обожгло. Он сделал громадный прыжок в сторону и припустился что есть мочи, раза три светлым пятном маладуше в тёмном олабаске и пропал вдал.

— Ух и здоровый, — робко сказал Пашка, сконфузивший своим голосом. — Отбелся.

— Хорош, — зиннула головой академик и засмеялся.

— А зимой к вам из огородов лось прибегал, — приоборившись, задала риторика Пашка. — Красивый, как на картинке. Хотела мы его приручить, а он обратно в лес ушёл. Лосей в нашем лесу много, их никто не трогает. Они, как в западнике, живут. Говорят, к нам из Белозерской пущи зубор привезут. Вот это лал.

Пашка радовалась. Одна история следовала за другой, и запас их не иссякал. Ему хотелось ещё рассказать академику, как школьники помогали колхозникам строить платину на реке, как искова ребята в лесу зарослей особый породы осини как любят партнору. Вот это лал. Пашка заметила, что спитник слушает его рассказно. Мальчику повезало, что академик уже потерял интерес к его истории, к лесу, ко всему окружающему. Должно быть, академик был плохим ходком: раза два он споткнулся о корин, переоскавшие тропинку, попал ногой в лужик, присыпанный листьями. И каждый раз при этом у Пашки скималось сердце, будто он был бы оскоком осини, а не мальчиком, но бутрам, мимо шёл. К кому же больше запало за тучку, а лесу сразу потемнело и повоемо глубокой осенью.

Слушники пошел по низине. Пашка с тревогой думала о том небольшом участке пути, который переоскается лесным ручейком. Настя так распознала, и чтобы перебраться на другую сторону, надо было переоскаживать с кошки на полуосинившие колоды. «Соведем рассердиться», — подумала Пашка, боясь поднять глаза на молчаливо шагнувшего академика. И вдруг он угосмнулся в целесообразности своих действий. Может быть, прав был дядя Фёдор и не надо было беспокоить старого человека в первый же день его приезда вне отдал? И уж, во всяком случае, надо бы прозвонить о транспорте: можно было бы машину достать или олащадку. Как об этом он раньше не подумал?

Вот и ручейк. Пашка решила поспришить немного настала, чтобы было легче пройти по нему.

— Вы минуточку пождите, Антон Иннокентьевич, — сказала Пашка и метнулась

перёд. В два прыжка он добрался до ручейка, наел в воду и хотел было слюнуть с места мокрый основной кружок, когда его окрикнул Степанов:

— Ты что? Что хочешь сделать?

— Исправляю мостки. Вам легче будет пройти.

— Оставай, не сумеешь, пожадуется! — сердито проворчал Степанов и с неожиданной для его возраста лёгкостью перескочил с берега на ближайшую кочку, потом на поваленное дерево и, балансируя руками, направился на противоположный берег ручья.

Пашка пристально следил за каждым движением старика, и, когда тот чуть-чуть ниже наклонился влево или вправо, мальчишка едва сдерживал тревожное восклицание.

Последний шаг — и академик ступил на сухое место. Вслед за ним перепрыгнул и Пашка.

— Ловко перемахнул! — восхищённо сказал Пашка. — Прямо по-спортсменски.

Степанов усмехнулся:

— А ты думал! Вот ещё отдохну, и совсем ладно будет.

— У нас отдохните! — с глубокой убеждёностью сказал Пашка. — И поправитесь. Вот увидите.

Пашка хотел было поделиться своими соображениями по этому вопросу, но лез уже кочкался, и показалось Тайново.

Фёдор Градов был дома. Держа на одном колене четырёхлетнюю дочку Аннушку, он заглядывал в газету, разостланную на столе. Жена и бабушка Анисья складывали холсты на кровати.

— Дядя Фёдор, — радостно шепнула Пашка, подходя к Градову. — Пришёл к вам академик...

Фёдор Градов, передав оробевшую девочку жене, по-военному вытянулся и почти-точно поздоровался с неожиданным гостем.

— Известно, товарищ академик, — сказал Градов, немного запинаясь. — Зачем было вам беспокоиться?

— Об этом потом, — прервал его Степанов и поудобней уселся на стуле. — Когда были равны? Где остался у вас осколок? Есть ли снимок?

Академик задавал вопросы быстро, кратко и вскоре узнал всё, что ему необходимо

было узнать о своём пациенте. Он оживился и хотя расширилась область придирично, но в словах его, в жестах, во всей фигуре чувствовалось расположение к собеседнику, большая заинтересованность в его судьбе.

— Прежде всего надо посмотреть рентген, — сказала Антон Игнатовичев и потёр глаза. — И думаю я, поедет мы с вами в Москву, к мне в клинику.

Он обвёл взглядом обращённые к нему лица, задержав улыбавшиеся глаза на Пашке и мягко добавил:

— Всё будет в порядке... дядя Фёдор, как называет вас ваш ходатай...

Степанов встал, подошёл к стене, где под большим портретом Генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина висело несколько грамот — благодарностей, почётных грамот прославленным маршалам. Первую грамоту он внимательно прочитал и, обернувшись к Градову, спросил:

— Вы в каком месте форсировали Днепр?

— У Лоева.

— А-а, знаю. Я на этом фронте был. Там сильные были бои.

— Да, мы форсировали Днепр с ходу. Не дали гитлеровцам задержаться у водной преграды...

И они, разговорив о боевых походах, переправах через широкие реки, о маршах по лесным и степным дорогам, о незабываемых встречах с населением освобождённых городов, о героих фронта, прославивших на вечные времена силу нашего оружия. Удачные воспоминания, они не заметили, как надвинулась ночь, как, убаюканная матерью, заснула Аннушка, громко засопела носом задремывшая у печи бабушка Анисья, и только жена Градова да Пашка слушали из неослабным интересом.

На лице у Пашки расплылось выражение восхищения. Он видел перед собой речные просторы, озвнённые мерцающим светом ракет, дороги с движущимися колоннами войск, города, полные ледоколов при встрече жителей с воинами-освободителями. Но глаза помимо воли слипались. Усталость, пережитые воячества взяли своё. Поможки голову на стол, он заснул.

Кто-то тронул Пашку за плечо и ласково шепнул:

— А тебе, дружок, не пора ли домой? Другой голос сказал:

— Спи крепко, уморился.

Пусть отдохнёт.

Чьими-то руками разнул Пашку, положили под голову подушку. Сквозь сон Пашка не мог догадаться, кто это — академик или парторг, — и крото улыбнулся.

А Степанов и Градов, уложив Пашку, вернулись на свои прежние места и возобновили разговор о перекрестках, о будущем. И были они похожи на двух друзей, встретившихся после долгой разлуки.

Николай ПЕРЕВАЛОВ

ПИОНЕРКИ

В пять кулаков стучатся в дверь ко мне.

«С чего бы это? — думаю в тревоге. — Уж не пожар ли в левой стороне?»

Но пионерок вижу на пороге.

Весёлым хором «здравствуйте» кричат.

— А есть у вас неграмотные, дядя?

Ответа ждут они, и глаза гадят:

Скажи им «есть» — займут в пять тетрадей!

И проведут любого без труда

От буквы «А», от цифры единицы

Вплоть до шестого класса «А», куда

Вступили ныне сами ученицы.

А мне смешно. Ответить бы им «есть»,

Да человек неграмотный вот, жалко.

Ещё такос: ему не встать, ни есть —

Легит себе, спелитутый, в качалке.

Ему пути любые предоставь,

Один другого радостней и краше —

И всё равно сойбать не будет прав,

На свете всё на соску променявши.

Жаль огорчить учителей таких.

Но никак не денешься от факта.

Руками разведя, гляжу на них.

— Нет, — говорю немолжно виновато, —

Хорошие мои, пока что нет.

Но запишите адрес наш в тетради

И снова через шесть зайдите лет.

Они смеются:

— Очень долго, дядя!

И сохлещь на лице у всех.

Уходит, кончит краткий беседа.

И всё-таки, надеясь на успех,

В пять кулаков стучатся в дверь к соседу!

Перед выходом на сцену. Участники художественной самодеятельности (клуб имени Зуева) диспетчер «Мостраваля» Валентина Витоль (справа) и студентка Высшего технического училища имени Баумана Лидия Магомедова.

Фото М. Кухтарёва

Комбайн на уборке урожая на полях Инношеры.
Фото Е. Халдея

Беспокойная натура

Случилось так, что Машу Грядину взаменят телятницей. Правда, назначение это вызвало много суждений. Спорозика сельского двора Александра Алексеевича Баникова, или, как её все называют в колхозе, тётя Шура, узнав о таком назначении, не на шутку встревожилась.

— Да что же это такое, Фёдор Степанович! — жаловалась она в тот же день председателю колхоза. — Животное, оно ведь любит ласку да уход, а вы девочку ставите на ответственный пост! У неё и в голове-то, кроме шутки да прибауток, ничего нет.

Фёдор Степанович Генералов, выслушав тёту Шуру, спросил:

— А вы-то разве не были в молодости таковой?

Заключившая врасплох таким вопросом, тётя Шура смущалась, а потом вымучивалась, словно вспоминала свою молодость. Привык обветренные губы концами полинявшего платка, она отвечала:

— Такой-то вроде и яе была: ведь эта девочка, как стрелочка, так и прыгает. Говорит, она и по деревням с ребятами лазит. Нет, тому-то у неё будет мало!

Фёдор Степанович не мог согласиться с доводами тёти Шуры. Он совсем иначе относился к резвому, почти мальчишескому характеру Машы Грядиной. В ней он видел не только непоседливую холостыню, но и умную, любознательную девушку. Ему не раз говорили, что в колхозной библиотеке самый активный читатель книг по животноводству — Маша Грядина. Ему также было известно, что девушка аккуратно посещает зоотехнические курсы, организованные в колхозе, хотя иногда её туда и не посылали. Поэтому как только на правлении колхоза стал вопрос о назначении новой телятницы, председателем первый предложил кандидатуру комсомолки Машы Грядиной.

— Работу! Маша умная, как обычно указывается всеми своим любимым делом. До зары, когда ещё с берегов Оки не началась претуревная дымка, Маша уже была на скотном дворе. На первых порах она многого ещё не знала и опасалась, сумеет ли справиться с новой работой. Шутка ли, ей поручили ухаживать за телятами в возрасте от одного до шести месяцев! Каждый день их надо при шеста напирнуть, напоить, вычистить, вымыть.

Однажды у Машы случилась беда: среди телят появились больные. Первым заболел бычок Давыд, потом телёнок Доротея, а за ней любимец Динер. Переуговяная Маша в три часа ночи прибежала на квартиру ветеринарного врача Сосова.

— Помогите, Сергей Петрович, наверное, я что-то натворила! — вскрикнула, просила Маша. Внимательный осмотр больных телёток, Сергей ответил: — Беспокойно колхозу!

— Ничего страшного нет, перенормила. Приходи завтра, помогу тебе оставить рацион кормления по возрасту.

Утром о больных телят стало известно всем колхозникам. Многие об этом рассказывали тёте Шуре, джуривающей в ту ночь на дворе. Встрепанный председатель колхоза, она упрямела его: — Я говорила вам, что девочка надеется бед, не послушала!..

— Бояться телят и связанные с этим переживания свалились на Машу. Она стала серьёзная и внимательная. В любое время можно было встретить её на скотном дворе или в поле, где паслись телята. Подруги Машы, давно переставшие общаться её на вечерах, иногда шутили:

— Ты, Маша, какой грамоте обучашь своих телят, ходишь осылом.

— Грамоте не грамоте, — отвечала Маша, — а слушаться их заставляю. Телята у меня умные.

Спорозика тётя Шура придирливо наблюдала за работой Машы Грядиной на скотном дворе. Однажды, увидев председателя колхоза, тётя Шура хитромерно ему призналась:

— Ошибался я, Фёдор Степанович, в При-

даной. Ставила она девушка, и натура у неё беспокойная, а это очень хорошо.

Беспокойную натуру Машы видели и другие люди. На одном из общин собраний колхозники заводивший животноводством, он же секретарь партийной организации Алексей Егорович Морозов, признавая людей к самостоятельной работе, сказал:

— Чтобы честно трудиться на своём посту, надо беспокоиться о работе и любить её так, как любит её комсомолка Грядина!

Эта похвала не вскружила голову Маше. За три года работы через её руки прошло больше ста телят, и всех она выхаживала, вернее, вынуждала. Грядину по праву стали считать лучшей телятницей Московской области.

Летом пятидесятого года в колхозе затрянулось совхозе: кончилась дождя и не хватало рабочих рук. Машуvolvовало такое положение с уборкой. Она чувствовала, что надо вмешать-

Сёстры Мария и Ольга Грядиных.
Фото Г. Борисова

ся, помочь. Собрала девушек, работавших на фермах, и сказала им:

— Давайте поможем нашим полеводцам убрать сено. Кто согласен, завтра утром приходите к клубу.

Утром увидела Маша у клуба не только своих подруг-телятниц: там были и молодые доржя, и гичивши, и конюхи.

— Вот здорово! — обрадовался Алексей Егорович Морозов, встретив комсомолки. — Молодцы, Маша! — похвалил он Грядину, когда узнал, что это она привела молодёжь в поле.

Вскоре после сенокоса Машу Грядину избрали секретарём комсомольской организации. Это и раздало ей агулово. Доверие товарищей — великое дело. Но это доверие нужно оправдать, чтобы товарищи не сказали, что они ошиблись в ней. С чего начинать, как строить работу?

Маша внимательно стала приглядываться к работе Алексея Егоровича. У него всё получалось хорошо, к нему постоянно обращались колхозники по разным вопросам, и для всех он вхолил тёплые, уютные слова.

— Вот бы мне быть такой! — думала Маша. Однажды в воскресный вечер Маша встретила Алексея Егоровича на берегу Оки.

— Отдаёте? — спросила его Маша.

— Как и все, — ответил Морозов. — Гляди, сколько народу по берегу ходит... На жукашке, у паровой пристани, было особенно много молодёжи. Там люди играли гармонь и слышался звонкие девичьи голоса.

— Холодно стало, — как бы про себя сказала Алексей Егорович, — а клуб у нас не в порядке, вот и ревнётся молодёжь на улице.

Маша понимала, что упрёк брошен в её адрес. Оборудование клуба, как говорят, лёгало на её совести. Кое-что комсомолки там уже сделали: установили радиоу, отремонтировали сцену, поставили на ней роды. Но молодёжь редко заходила в клуб. А когда и собиралась, то рассказывалась на скамьях, не снимая пальто, и слушали гармонь.

— Мне пора, — после неловкого молчания сказала Маша и быстро ушла с берега: надо было приниматься за работу.

Вскоре в клубе зажёгся свет, а потом по иному берегу развлеклась мелодия вальса — это Грядина завела радиоу. Услышав музыку, юноши и девушки потянулись в клуб. Маша встретила их, как обычно встречает радужная хозяйка дорогих гостей.

— Будем танцевать! — радостно воскликнула она и первая вошла в круг.

Когда в клубе стало тесно от народа, Маша встала на сцену и громко сказала:

— Товарищи, мы можем весело и с пользой проводить здесь время. Нам нужно клубу привести в образцовый порядок: побелить стены, поместить полы. Кто поможет нам, комсомольцам?

Первой на призыв Машы ответила молодая доржа Тамара Аксёнова.

— Конечно, поможем, для себя же, — сказала она. — Завтра же!

Сенокос пошелся быстро. За Тамарой к столу подошли Полина Самойлова, Вера Шамрыкина, Валя Морозова. Комсомолки Василий Наканов, работавший в сельпо, явился написать зоучку, вальцать.

К следующему воскресенью почти все колхозная молодёжь записалась в кружки при клубе: кто в хоровой или драматической, кто в хореографической. Нашлись свои реалисты, музыканты, певцы. Весело и интересно стало по вечерам.

Не только молодёжь, но и пожилые колхозники стали частыми посетителями клуба. Если нет выступления самостоятельности, — есть лекция на популярную тему или беседа о текущей политике. А то ещё завела Маша грамоте чтение. Читает всё хором: книги, спорт, как надо понимать прочитанное. И в клубе тепло и привабливо, а стало чище, уютнее.

И как-то сама собой овергла дружба комсомольцев и молодёжи. На молодёжные чтения стали приходить многие парни и девушки, некоторые из них принесли заявления с просьбой принять их в комсомол. Так, комсомольская организация за короткое время выросла больше чем в три раза, окрепла, завоевала среди колхозников авторитет.

Вскоре у Грядиной произошли изменения на работе. Её перевели на молочно-товарную ферму, а место себе в комсомоле поодобить телятницу. Доны Маша думала, кому можно поручить уход за молодичком. Наконец решила. Поговорив со своей младшей сестрой, Олей, она пошла к Морозову:

— Вот она меня заменит, Алексей Егорович. Я ей помогу бую.

И Маша помогла не только сестре, но и всей молодёжи.

Три года подряд комсомольцы колхоза избирали Машу Грядину своим секретарём, а все эти три года жизнь её наполнена большой и увлекательной работой. Ох сколько много дел у Машы сейчас, накануне XIX съезда любительского партий. Девочку можно видеть в саду: в поле, где комсомолки работают на обмолоте зерна, на амьалке силоса, на строительстве нового скотного двора, у работниц ферм. Все они взяли обязательства встретить исторический съезд новыми достижениями в труде.

— Радуетса Маша успехам комсомолов, радуется и успеху Оли. Люди теперь и о младшей Грядиной говорят, что она достойно заменила свою старшую сестру.

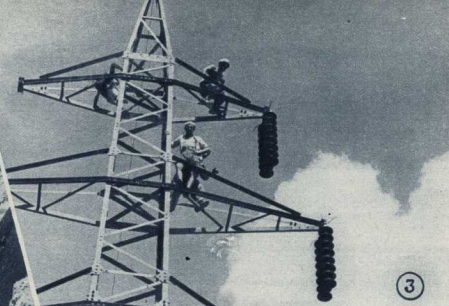
Колхоз имени Сталина, Московской области.

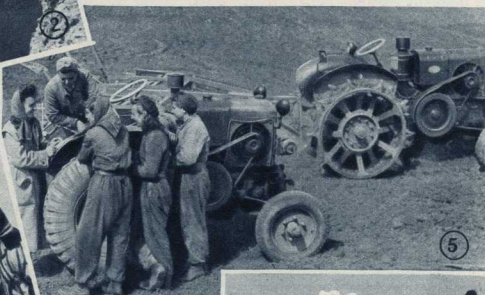
1

2

3

5

На верном пути

6

С каждым днём растёт и крепнет любовь и привязанность трудящихся стран народной демократии, Китая и Германской Демократической Республики к своему великому другу — Советскому Союзу.

Народы этих стран под руководством коммунистических и рабочих партий, опираясь на дружбу и бескорыстную помощь Советского Союза, стали на верный путь строительства социализма.

В странах народной демократии, народном Китае и Германской Демократической Республике широко сейчас используются передовые производственные методы советских сталхановцев. Ими овладевают шахтёры и сталевары, железнодорожники и машиностроители, текстильщики и крестьяне. Особенно горячо и смело подхватывают эти методы молодые рабочие. Вот, например, что сообщает из Бугареста токарь-сталхановец завода имени Матясея Ракоши, член Союза трудящейся молодёжи Николай Васу. «До сих пор,— пишет он,— свежа в моей памяти встреча с советским токарём Павлом Быковым, который посетил наш завод ещё в 1960 году. С большой охотой показывал мне

ВО ИМЯ ВЕЛИКОЙ ПРАВДЫ

прославленный советский токарь свои методы скоростного резания металла. Опираясь на опыт стахановцев, я сумел выполнить за месяц три с половиной месячных нормы. Теперь я работаю в счёт октября 1954 года.

Молодой венгерский шахтёр Андраш Тайнос, награждённый орденом Труда, с любовью вспоминает о своей поездке в Советский Союз. «Я имел большое счастье, — пишет он, — побывать в стране строителем коммунизма и собственными глазами увидел, как выглядят советские шахты. Это было одним из самых больших событий в моей жизни. Мы, венгерские шахтёры, находимся только в самом начале пути, по которому советские шахтёры ушли далеко вперёд. В наших шахтах началось механизация. Всё, что сейчас осуществляется в Советском Союзе, у нас будет также достигнуто.

Творческая энергия свободных народов ярко проявляется во всех странах народной демократии, народном Китае и ГДР. Иза для в день в строй вступают всё новые и новые заводы, фабрики, пауты, велосипедные дороги, электростанции, оросительные каналы. По примеру Советского Союза в народном Китае строятся огромные гидротехнические сооружения. Китайский народ горюно отключается на призыв своего вождя Ма Цзэ-дуна: «Во что бы то ни стало покорить Хуайхэ!» Эта река во время наводнений авками опустошала плодородные земли.

Канал Дунай — Чёрное море в Румынии, металлургический комбинат Новая Гута близ Кракова в Польше, металлургический завод имени В. И. Ленина и город Димитровград в Болгарии, металлургический комбинат имени Сталина и новый город Сталиноград в Венгрии, металлургический комбинат имени Готвальда в ГДР, Чехословакии и многие другие стройки стали подлинно всенародными.

Трудищиеся стран народной демократии безгранично благодарны народам Советского Союза за всестороннюю братскую помощь. «В нашей стране, — говорил в своём докладе, посвящённом 8-й годовщине со дня освобождения Румынии Советской Армией, заместитель председателя Совета Министров Румынской Народной Республики Георге Апостол, — нет стройки, фабрики или шахты, где бы не применялись советский опыт и советская техника. Советский патриотизм, интернационализм советских людей, советская культура для каждого трудящегося нашей страны являются благородным примером».

Съезды XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза явились выдающимся событием во всём международном рабочем движении. Коммунисты и трудящиеся всех стран встретили это событие с величайшей радостью. Славная история великой партии Ленина — Сталина ныне является для них самым верным и надёжным руководством в борьбе за социализм.

Укрепление могущества Советского государства, руководство партии Ленина — Сталина, приведёт новые силы трудящихся всех стран, ставших на путь социалистического строительства. В величия строительства коммунизма в СССР они видят частное будущее и своих государств.

На снимках:

1. Широкая сеть учебных заведений развернута в демократической Албании. Тысячи юношей и девушек получили возможность учиться в прекрасных условиях.
2. Строительство культурных центров в Чехословакии занимает одно из ведущих мест. На снимке: молодёжная бригада закладывает один из культурных центров.
3. По всей Болгарии электрифицируются города, села, предпринятия.
4. После трудового дня польская молодёжь весело отдыхает.
5. Первым женским тракторным бригадой завоевала заслуженную славу среди венгерских крестьян. Все члены бригады успешно изучили премия работы трактора.
6. Студенты Юго-Западного Китая с радостью провозносят юго по новой дороге.
7. Угольные машины, которые используются советские машины на стройке канала Дунай — Чёрное море в Румынии.

Как живой, остаётся Юлиус Фучик и сегодня в строю живых борцов за мир, и, как живому, присвоено ему звание лауреата Почётной премии мира. В произведениях поэзии и музыки, живописи и театра всё чаще и чаще воссоздаётся немеркнущий образ великого коммуниста.

Пьеса Ю. Бурьяковского «Прага остаётся моей», посвящённая жизни и борьбе Фучика, идёт на сценах десятков театров нашей страны. Образ Фучика воплощён и в спектакле Ленинградского театра имени Ленинского комсомола «Дорогой бессмертия», который поставлен режиссёрами заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР лауреатом Сталинской премии Г. Товстоноговым и А. Рахленко по одноимённой пьесе В. Брагина и Г. Товстоногова. Спектакль этот удостоен Сталинской премии за 1951 год.

Стремясь сохранить в спектакле особенности страстной книги Фучика «Репортаж с передовой», авторы пьесы отказались от последовательного изложения событий. В спектакле то и дело меняется место действия. Мы видим Фучика то в довоенной Праге, то в вагоне пригородного поезда, то в ресторане «Флора», где в качестве угодливого и низко кланяющегося кельнера подлизывается будущий полковник, комиссар гестапо Бем, то в мрачном залешике — в торговле Панкрав. Вот светлые залы Ленинградского Дворца пионеров. Весёлый, полный жизни и сил, Юлиус поёт вместе с ребятами пионерскую песню. Все эти перемены совершаются без записки и паузы: радуются стальные стены, открывая зрителю новые и новые картины.

В годы фашистской оккупации Чехословакии Фучику экзистенциально грозила смертельная опасность. В ответ на просьбу жены быть осторожнее он говорил спокойно: «Мы всё равно не сможем жить иначе. Нужно только представить себе самое худшее и ничего не бояться».

Лауреат Сталинской премии артист Д. Воло-

сов, исполняющий в спектакле «Дорогой бессмертия» роль Фучика, пронизывает эти слова с ласковой улыбкой. Актёр сумел передать болючую, жгучую любовь Кляука к Густиевжне и сорганику.

Фучик был человеком революционного действия, неутомимым партийным труженником и крупным литератором. Его главное оружие — слово, правдивое, твёрдое. Актёру, воплощающему на сцене образ Фучика, предстояло показать эту меру борца-антифашиста. Д. Волосов отлично справился с этой задачей. Фучик в исполнении артиста Д. Волосова — человек boldной, страстной, устремлённой в будущее мысли. Таким предстаёт он в момент, когда диктует статью для очередного номера подпольной газеты «Фуде право», таким он выступает и в напряжённом словесном поединке с гестаповцем Бемом. Во время допросов Фучик не только сохраняет полное самообладание, но и не перестаёт разить своего смертельного врага правдой своих убеждений, силой своей веры в скорый и окончательный крах фашизма. Тупицом и животной ненависти гестаповца он противостоит спокойное сознание своего превосходства. Сцены, показывающие Фучика с Бемом, несомненно, принадлежат к числу лучших в спектакле.

Комиссар Бем (роль которого замрительно исполняет лауреат Сталинской премии М. Розанов) — хитрый, ловкий, умеющий маскироваться улыбка, изощрённый провокатор, возманивший перед собой авдацию то что бы то ни стало убить волю Фучика. В сцене опознания Фучика предателем Бем ведёт себя как победитель. Он считает дело законченным и не понимает, что орозраченный и брошенный в заточении Юлиус Фучик непобедим. В торжественном Фучик остаётся революционером-организатором. Он сплачивает заключённых в Панкраве, поднимает их боевой дух, делает их способными к сопротивлению, к борьбе.

1 мая 1942 года по инициативе Юлиуса Фу-

Сцена из спектакля «Дорогой бессмертия». Фучик — лауреат Сталинской премии Д. Волосов, Молнииский — лауреат Сталинской премии Г. Гай.

Фото В. Волковского

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Рассказ

чка в Панкрае проводится небывалая в истории тюрм демонстрация заключенных. Первые слова «Интернационала» запевает сам Фучик, их подхватывают его товарищи. Завершая в вырост стены открываются перед зрителями панорама внутреннего двора Панкрака со множеством зарешеченных окон, из них высовываются десятки рук, машущих лоскутками кумака. Все громче и мужественнее звучат пламенные слова коммунистического гимна. Юдузе Фучик выходит на авансцену и, как бы обращаясь к грядущим поколениям, говорит:

«...Не было многозначного потока людей. Не было ни миллионов, ни сотен. Но было одно значение этого слова. Ибо это слово само, которое прокатит через расклеванные тюрьмы, превращаясь в негел, а не в сталь. Не знаю, победит ли ты меня, товарищ, если когда-нибудь прочтешь мои слова, но не переживай этого сам. Постарайся понять. Поверь, в этом была сила!»

Эта сила велика. Гестаповцам не удалось «схватить» ни Фучика, ни даже сведения. Но, тем не менее, Бем понимал, что если он не сделает этого, ему недобровольно. Бем решил прибегнуть к «особому подходу» и пригласил Фучика поужинать вместе с ним в ресторане. «Мы сейчас переедем нас и посидим с вами в ресторане, чтобы не случилось ничего, и Фучик хладнокровно замечает: «Только боюсь, что это будут выброшенные деньги, комиссар».

Бем рассчитывает, что, ахнувши всей грудью воздвигнув, увидев огни своей любимой Праги, Фучик не выдержит. «Неужели бы вы не хотели вернуться в социал?» — вскрикивает Бм Фучикова. «Прага! Поглядите на неё, внимательно посмотрите! Как она хороша! И останется такой же, когда нас уже не будет». И Фучик, глядя прямо в наглые и возмущенные глаза Бема, добавляет: «И станет ещё прекрасней, когда не будет вас!» Бем терпит позорное поражение. Теперь Бем и его хозяева торжественно кончат с Фучиком. Они соображали обвинительное заключение, каждый раздел которого предусматривает смертную казнь, и зачитывают своему пленнику. Однако Фучик остаётся верен себе, спокойно перебирает пока не закончат читать первые статьи параграфов, он насмешливо замечает: «У русских есть пословица, комиссар: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Бем приходит в ярость. Дорого бы отдал он за то, чтобы увидеть Фучика дрожащим и потерявшим самообладание, но Фучик лишь от этого удовольствия. Даже в страшную минуту последнего прощания с Густиной Фучик внешне остаётся совершенно спокойным. «Ты знаешь, и я знаю, Густина. Мы никогда больше не увидимся... Прощай, мой дружок боевой... Волосок раздражения показывает внутреннее напряжение, в котором живёт Фучик, и душевную силу, помогающую ему до последнего часа своей жизни оставаться непоколебимым вояком свободы.

Лауреат Сталинской премии Г. Гай с большой теплотой встретил Фучика, который по заданию партии стал надирательным термом Панкрак и с риском для жизни выносив на волю старички рукописи «Репортаж с петлей на шее».

Приятельский образ преданной подруги и боевого товарища Юлиуса и вы складывалась в восприятие Актрисы М. Манкиной. В самые трудные для Фучика минуты Густина умела поведать терпеливые её страх и бьём, никогда не пыталась удержать мужа от самых рискованных и опасных дел. Актриса передаёт мясую живучесть Густиной, и тем самым делает образ своей героини живым, осязаемым. В этом смысле особенно запоминается сцена последнего прощания Густины с Фучиком. Актриса ведёт её без тени сдержанно, но с тем большим внутренним чувством, с той глубокой серьёзностью, которая гораздо более красноречива, чем любая драматическая аффектация. Запоминается Карел Малж, искренне сыгравший И. Штенценца, хористки Лада Палава (Е. Назаров), Гезе Зиска (П. Савошечко) и другие.

Ленинградскому театру имени Ленинского комсомола удалось создать интересный, запоминающийся спектакль о мужественном и благородном борце за свободу и счастье человечества.

Незнакомец совсем не был похож на восточника счастья. И, увидев в проеме узкой двери суровое худое лицо, Хори невольно отшатнулся. Он так устал, ожидая удара, который должен был сейчас сокрушить всю семью...

Компания «Надвигный кров», строящая домик Хори, уже назвала день вынесения за неважно омерзительного платёжа. Но Хори не решился сказать об этом ни жене, ни дочери. Наоборот, он всячески старался, чтобы они сами как-нибудь не разгадали его тайну. Несмотря на безнадёжное положение, он ещё обдумывал планы борьбы, искал выходы. А по молу было ждать неслучайно, совершенно неоткуда. Сын собирается где-то в поисках куска хлеба. Уже месяц, как от него ни слуха. Дочь почти год без работы. Недавно звякнула с завола и самого старика, когда он заворал.

— Я привёз вам вёскаму от Джекса. Мой сын — Ричард Струдж.

Хори был уверен, что может услышать только призыв немедленно покинуть дом, и не сразу понял смысл сказанного Струджем.

«Джек» — думал он, — какой это Джек? Но Анна Хори уже обнимала Струджа, о котором Джек постоянно упоминал в своих письмах. Ей казалось, что она давно-давно, чуть ли не в детках лет, знает этого высокого загорелого юношу. Неожиданный приезд Струджа успокоил её, вернул уверенность, что скоро сын увидит и Джекка, как будто впервые. Но даже в эти радостные минуты Анна не могла забыть о страданиях, выпавших на долю её Джекка после окончания университета. Вель он три года в моем найти работу!

— Бедные, бедные мальчики! — воскликнула она. — Что только нам не пришлось вынести!... Это всё правда, не будем больше вспоминать печальных дней. Джек прислал вам деньги, которые обеспечат вас на будущее, что бы ни случилось с ним. Джек».

Струдж ахнул и покосился под взглядом Анны Хори, как в детстве, когда был уверен, что мать обладает таинственной способностью читать в его душе.

Глаза Анны тотчас наполнились слезами, и она прижала руку к сердцу, которое на долгие годы впитало в себя на что-то расклеванное, остере. Хори неторопливо переводил взор с лица жены на Струджа.

— Не обращайте внимания, мискс Хори, — виновато сказал юноша. — Это у меня просто такая манера выражаться. Со студенческих лет. Вроде клятвы: «Что бы со мною ни случилось, я всё сделаю». А что может случиться с молодым, здоровым, как крокодил, выживаю?

— Анна горестно вздохнула, а Струдж быстро взглянул на её дочь, Марси, словно ожидая помощи.

Но девушка промолчала, не отрывая от него изумленного и, как ему показалось, недоверчивого взгляда. Струдж обвёл глазами комнату.

— Мне всё здесь так знакомо, словно я сам когда-то жил тут...

— Почему Джек не прислал письма с вами? Хотя бы опшикс... Разве вы его не видели не-

ред отъездом? — вдруг спросила Мэри, в упор глядя на Струджа.

Юноша опустил глаза:

— Я потерял его. Мне стыдно сознавать, но я потерял его в дороге или забыл дома на столе... Сейчас мы принуждены кочевать. Наша работа требует постоянных переездов с места на место. Но мы не беспокоимся...

Счастливым днём в доме Хорнов промелькнуло быстро. Наступил час расставания. Мискс Хори смотрела на Струджа, как будто на всю жизнь хотела сохранить в памяти каждую черточку лица, каждое движение юноши, вернувшего её сына. Низко опущенная лямпа освещала только подбородок Струджа. Большие загорелые руки его неподвижно лежали на краю стола.

Несмотря на все свои усилия, старик Хори помышлял о потопе, и образы коротких дней странно путались у него в голове с тем, что происходило вокруг него. То он отчетливо видел Струджа, слышал его голос и смеялся над приключениями юношей в Аризоне. То вдруг ему казалось, что он стоит на леснище, рассматривая потопок в своей комнате. Дом, построенный «Надвигным кровом», начал поемному рвалываться сразу же после окончания отделочных работ. Хори особенно ненавидел широкую лиановую террасу на потопке, покосую на реку Миссисипи. В мучительные бессонные ночи ожидал прихода агитатор «Надвигного крова», старик слышал, как на потопке постепенно проступают извилистые контуры реки всё выше и выше по течению — сначала до Гринвида, через час до Сен-Луи, потом всё более тонкие и гомаше — до Ла-Кросс, до Сент-Пола. Когда исходило солнце, делась аметной и последняя заигнушка — веток.

Сейчас Хори او сие с наслаждением замазал промляту террасу густым мягким алебастром. Его слегка опущенное лицо с закрытыми глазами как-то аневато помолдело, сделало удивительно похожим на лицо Джекка. Струдж поднялся и осторожно отстал от стула:

— Мне надо идти, чтобы успеть на поезд.

Анна Хори хотела разбудить мужа:

— Нет, нет! Пусть спит. Я очень прому вас. Он видит во мне что-то хорошее. Может быть, Джекка. Пусть спит...

Пожелав руку мискс Хори и дружески попрощавшись с Мэри, Струдж, стараясь ступать как можно тише, направился к выходу. В дверях он на миг обернулся, и Мэри показала, что вrooma пошло обратно и этот безымянный парень только сейчас появился на пороге их дома вместе с чем-то непонятно тяжёлым, принесённым им издалека.

Струдж ушел уже довольно далеко, когда его звалила Мэри.

— О! — воскликнула он удивленно. — Что случилось?

— Мне не нужно милостыни! — выдыхая от бета, скавала девушка, смотря прямо в глаза Струджа.

— Милостыню? Деньги вашего брата... Я не понимаю, мискс Хори.

— Вы отлично всё понимаете. Вы никогда не годный актёр и очень плохо провели сегодня свою роль.

Лицо Струджа несколько мигновений было неподвижно, как высеченное из камня. Взгляд он удублился:

— Вы и тогда в моих скитаниях? Пробовал. Режиссёр пропал меня, сказал: «Вы никогда не сумеете сыграть даже роль дохлой лошади»

на поле брони. Но сегодня, честное слово, я думаю, что играю великолепно и даже удивляю себе.

— Наверное! Вы могли обмануть только несчастных стариков. Как вы смутились, когда я спросил о писке! Говорите правду или...

— Что же. Может быть, так будет даже лучше. Но вам придется проводить меня, мисс Хорн, иначе я рискую опоздать на поезд.

Девушка кивнула головой и пошла рядом с ним. История Джека Хорна в памяти Марии навсегда связалась с мерным звуком штов в вездеходах резкими гудками пронесавшихся мимо автомобилей.

— История нашей жизни, которую я рассказываю вам, родители, уны, так же далека от действительности, как история, которую вы изучали в школе, далека от подлинных событий, происходивших на земле.

Струдж закурил и несколько минут молчал, искоса поглядывая на Марию.

— Меня задеть не нужно, Я и так сразу почувствовала, что вы должны рассказать мне что-то новое, — решительно проговорила девушка.

— Мы тогда жили в Сан-Франциско — городе солнца, фруктов, банкетов в хроническом голоде, — нарушил наконец молчание Струдж. — Наш комитет, если это можно было назвать комитетом, находился на задворках магазина, торговавшего банианами, ананасами, манго и другими тропическими фруктами. На всю жизнь я запомнил авокадо с его лакированным привкусом. На голодный желудок это было ужасно, и от авокадо у меня всегда почему-то сильно кружилась голова. Может быть, потому что фрукты, доставлявшиеся нам, всегда были уже несвежими.

Когда я познакомился с Джексом, он целиком был поглощен работой над особым сортом бетона. Его бетон выдерживал космическую нагрузку, не боялся ни морской воды, ни водорослей, ни ржавчины. В нашей дилемме, на задворках фруктовой лавки, Джек устроил лабораторию. При помощи нескольких ржавых баков и хлама со свалок он делал настоящие чудеса. Но бетон Джека никому не был нужен, как я и наши руки, жаждавшие работы... И потом мы как-то неожиданно для самих себя попали на строительство у самой мексиканской границы. Приехали мы туда вечером. В сумерках ярко горели прожектора, освещая контуры строительной площадки, подальшие краны. На коттеджах, полах и нарядных, как

блонные тушканчики, авиала таблички: «Начальник строительства», «Главный инженер». Черная ферриная доска с отропными белыми буквами «Опасность» была установлена у динамитного склада. Вырытая канава, пока что мирно дремавшая в этом внушительном на вид бараче, освещенном снаружи несколькими мощными лампами, должна была провестись больше изменения в этих пустынных краях.

Неожиданно оказалось, что все Джеку должны выпустить строительство. К бетону предъявляли такие невиданные требования, что возникла «бетонная проблема». Джек работал сверх всякой меры, но был доволен. В его бетоне нуждалось строительство, которое должно было дать дешую электроэнергию рабочим послем, домам фермеров. Да, Джек, по моему, тогда был счастлив.

Струдж внезапно замолчал и, чуть прищурив глаза, уставился куда-то в темноту. Он, казалось, перебрал в памяти все радости и горести своего друга, инженера Джека Хорна.

— Я совсем не читал тогда ни газет, ни журналов, — продолжал Струдж, — и не представлял себе, какого размаха достиг бум, связанный с этими местами, о которых еще недавно никто не думал. Безработица, обманутые газетной шумихой, толпами прибывали на строительство. Уже шла таинственная спекуляция участками, на которых росли овиня кактусы с иглами, толстыми, как карандаши.

Однако мы довольно скоро почувствовали, что чья-то незримая, но востанная рука распростерлась над нами. Уменьшилось поступление материалов и оборудования. Начался перебор в выплате денег рабочим. Для изысканий работ на строительство обывали старые, давно подлежащие уничтожению, либо еще плохо изученные вещества, представлявшие большую опасность. Погибло много лучших подражников. В рабочем лагере вычлался тиф...

И вдруг стало известно, что все мы только жалкие пешки, использованные в чей-то правый игре. Никто и никогда верьбе не думал заниматься строительством в этих гиблых местах.

Строительство новой электростанции было нужно только для того, чтобы выжать деньги из доверчивых держателей акций, шантажировать выделенные другие электростанции, а затем и распорядить участки с землей, совершенно негодной, не годной ни на что.

А когда эта карта, на которую были поставлены жизни многих людей, их скромные

надежды, выиграла, мошенники авторопились кончить игру, чтобы продолжить ее на новом месте.

Машины и оставшиеся материалы стали пересылать куда-то очень далеко, вероятно, для новой спекуляции. Жизнь на строительстве мгновенно замерла. Появились в воздухе поднятые гудки, бесполозно заставлял бетон в ямах и бетомешалках. Монтажные оставили недостроенными гайки, один из пестов покосил оконные рамы и двери, брошенные строениями.

Мария внезапно остановилась и воскликнула:

— И всежелеи это нам удалось? Неужели не нашлось среди нас настоящих людей, способных бороться?

— Нашлись, Мария, — упрямо ответил Струдж. — Но их оставалось совсем мало, и они были иначе и осподом. Кое-кто быстро раскусна секрет строительства. Немало этих честных парней угодило за решетку за то, что они разоблачили подлые дела, творившиеся на нас. Некоторые из арестованных, внешне слишком много, были настолько жестоки, что и без нас. Такая участь постигла, например, моего попомовика Джайса.

— Ну, а Джек?

— Он тоже привывал не уходить с площадки, не позволял увозить машины в материалы. Мы обратились с возманием к рабочим дружки строительств и заводов, прося поддержать нас. Началась жестокая битва и в конце концов против нас свои отброшенные силы: полицейских, уголовников Джека Смита, пропавшихся разгромом станция шахтеров в Идиане. Однажды нам удалось отрезать часть рабочих, охранявших мощные подъёмные краны. Они выставляли пикеты на дороге и никак нас не подпускали к участку, где стояли машины. Тогда мы решили прорваться туда на грузовиках. Первую машину вёл Джек...

Струдж опустил руку в карман, долго искал сигареты и спички. Закурив, он сказал:

— Джек был отличным шёфером и отважным человеком.

— Было, — воскликнула Мария и, ощутив внезапную слабость, опустилась на обочину шоссе.

Она сидела, закрыв лицо руками, у ног Струджа, маленькая, вся стёбшаяся. Мимо проёхал визжавый роскошный автомобиль. Его фары ярко осветили фигуры Марии и Струджа. Мужчину, сидевшего на рулём, обернулся к своей спутнице и сказал:

— Комен романа!

Струдж бережно поднял девушку.

— Марри! — заговорил он горячо. — Борьба продолжается. Я приехал сюда по поручению моих товарищей для связи с рабочими здешних заводов и электростанций. Вместе создадутся комитеты содействия...

— Я поеду с вами! Я хочу бороться, как брат. Моё место там, на строительстве, понимаете? — неожиданно твёрдо произнесла девушка, перебивая Струджа.

Юноша пристально посмотрел ей в лицо. Облитое мутным светом запылённого фенара, оно было каким-то новым, неожиданным. И, обрадованный этой перемовой, он сильно стиснул и потряс её крепкую маленькую руку.

— Нет, Марри, — возразил Струдж, стараясь говорить как можно мягче, — сейчас я не могу взять вас с собой. Мне предстоит побывать ещё на нескольких презентрициях вашего и соседних штатов. А возвращаться сюда буду не через этот городок. Но я напишу вам, как найти к нам дорогу. Может быть, письмо это вы получите не скоро. Может быть, никогда... И кто-нибудь другой придет с мексиканской границы, как я сегодня, и расскажет обо мне... Так или иначе ждите вестей от нас...

Где-то совсем рядом проулючал протяжный гудок, затем показались огни паровоза. Струдж ещё раз поцеловал Марию и исчез в темноте.

Шум поезда уже давно стих вдалеке, и покойной ночи тревожил только пересознанный, доносившийся из прерия, а девушка всё стояла на приставленном переезде вокзала. На лице её ещё не высклал слезы, но глаза смотрели так ясно и прямо, как будто Марри уже видела своих новых друзей, вместе с которыми она пойдёт вдалеке, но единственно верным путём своего брата.

Рисунок Г. Финанпиевского

Женская команда СССР — чемпион мира по волейболу.

Мужская команда СССР — чемпион мира по волейболу.

А. ЧУДИНА,
заслуженный мастер спорта

ЧЕМПИОНЫ МИРА

Волейбол — один из самых популярных видов спорта в нашей стране; миллионы советских людей с увлечением занимаются им.

Много нового внесли в эту интересную игру наши волейболисты. Волейбол стал увлекательнейшей атлетической игрой.

В 1947 году наши команды впервые встретились с волейболистами других стран; с тех пор мы провели около ста международных встреч и ни одной из них не проиграли.

В 1949 году мужская сборная команда СССР стала чемпионом мира, а женская — чемпионом Европы. Почётное звание чемпионов Европы советские волейболисты удерживали в 1950 и 1951 годах.

Наши победы всякий раз свидетельствовали о том, что советская школа волейбола является передовой, что волейбол в СССР стоит на правильном пути.

Все наши зарубежные противники, особенно волейболисты стран народной демократии, быстро поняли это, стали перенимать у нас методы тренировки и игры.

Мы, не скупясь, при всяком удобном случае делились опытом, помогали им устранить недостатки, указывали правильный путь к совершенству.

За два-три года волейбольные коллективы Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Польши стали одними из сильнейших в мире.

Знакомство с волейболистами других стран, которое вскоре перешло в крепкую дружбу.

Наши новые друзья спрашивали нас о Советском Союзе, о наших городах, новостройках и больше всего о Москве. Каждый из них мечтал побывать в столице нашей Родины, увидеть её своими глазами. И когда в прошлом году было принято решение о проведении первенства мира по волейболу в Москве, все восприняли это сообщение с огромной радостью.

Расставаясь в Париже после первенства Европы, спортсмены всех стран со счастливой улыбкой говорили нам:

— До встречи в Москве!
Решение о проведении первенства мира по волейболу в Москве с большой радостью встретили и мы: нам представлялась возможность продемонстрировать своё

мастерство перед нашим народом, который горячо любит спорт и оказывает ему всемерную помощь и поддержку.

И вот в августе в Москву съехались участники первенства. Интерес к соревнованиям был настолько велик, что западный сектор стадиона «Динамо» не вмещал всех желающих. Ни в одной стране соревнования по волейболу не посещало такое огромное количество зрителей (250 тысяч человек).

И все, что приходило на стадион, не было обмануто в своих ожиданиях: игры протекали напряжённо и интересно, не раз поединки между командами заканчивались лишь по прошествии пяти партий.

Тринадцать дней продолжалась горячая борьба за почётное звание чемпиона мира.

К последнему дню первенства не имели поражения среди мужских команд СССР и Чехословакия, среди женских команд — СССР и Польша. В решающий день первенства на стадионе собралось около 50 тысяч зрителей.

С огромной ответственностью мы провели финальные встречи и завоевали почётные звания чемпионов мира. Под аплодисменты десятков тысяч зрителей нам были вручены золотые медали.

Тепло поздравили нас с заслуженной победой и все участники первенства.

Поздно вечером расстались мы со своими старыми и новыми друзьями. А на следующий день рано утром, мы собрались на теплоходе «Иосиф Сталин» и отправились на экскурсию по каналу имени Москвы.

С живым интересом рассматривали гости это изумительное сооружение. С гордостью рассказывали о том, что они видели Кремль, были в мавзолее Ленина, осмотрели новое здание университета.

Спортсмены и спортсменки различных национальностей оживлённо беседовали между собой, будто все они говорили на одном языке.

Это было не удивительно: ведь мы говорили о дружбе, о мире, о наших будущих встречах!

Девушки из Индии расширяли, как удалось нам добиться столь высокого мастерства.

Чтобы ответить на этот вопрос, нам пришлось вспомнить свой школьный год: ведь многие из нас начали свой спортивный путь со школьной скамьи.

Я рассказала, как шефствующий завод нашей школы завод помогал нам приобрести спортивный инвентарь, а спортивное общество, которое было прикреплено к нам, прислало своих тренеров; когда же мы подросли, для нас широко открылись двери стадионов, спортивных залов.

С завистью слушали мой рассказ индусы, французы, ливанцы; их удивляло то, что для нас было обычным явлением в жизни. Ведь мы родились и росли в социалистическом государстве!

Долго продолжалась дружеская беседа на теплоходе; она прерывалась лишь весёлыми песнями, танцами.

Гости жалели, что не успели всего посмотреть, со многим познакомиться; они выражали уверенность в том, что ещё не раз им удастся побывать в Москве, и снова благодарили нас за помощь, которую мы оказывали им. Проведённые в Москве соревнования явились замечательной школой для всех волейболистов: уже в ходе первенства многие команды, чутко прислушавшись к нашим замечаниям, заметно улучшили свою игру.

Я счастлива, что на заботы нашей партии и правительства, на заботу товарища Сталина я и мои товарищи ответили блестящей победой. Мы заверяем наш народ, что приложим все силы, знания и волю к тому, чтобы и впредь совершенствовать своё мастерство, высоко держать знамя советского спорта.

Фото Н. Хренникова

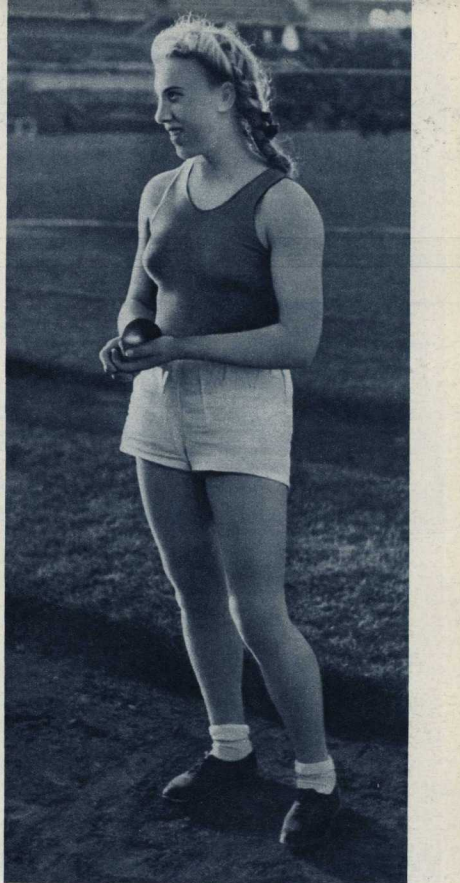

Момент игры СССР — Чехословакия. Мяч взлетел над сеткой; игрок советской команды Константин Рева сейчас направит его в сторону противника, однако чехословацкие волейболисты готовы и к нейтралитету.

ВО СЛАВУ РОДИНЫ

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта

Олимпийская чемпионка Галина Зыбина.

Фото М. Воташёва

Ядро — самый тяжёлый из всех легкоатлетических снарядов. Толкать ядро должен быть не только быстрым, но и сильным.

Всё это хорошо знал и учёл заслуженный мастер спорта Виктор Ильич Алексеев, когда решил испытать в толкании ядра свою ученицу, известную метательницу копья комсомолку Галину Зыбину.

В 1952 году Зыбина исполнилась 21 год. За время учёбы и тренировок в спортивной школе Алексеева она приобрела большую силу, которой отличаются все ученики и ученицы этого тренера.

Всего несколько лет назад начинала заниматься спортом маленькая, худенькая ленинградская школьница, переезжая от мамы до конца ленинградской блокады. Внимательно отнёсся к ней Алексеев.

— Мовет быть, из Галины и не получится выдающийся спортсменок, но это не так уж важно, — думал тренер. — Необходимо помочь девочке набраться сил, окрепнуть.

И Зыбина начала проходить курс развития горной физической подготовки.

Упорно и прилежно тренировалась Галина, горела желанием достичь вершин мастерства и отблагодарить Родину, прославив её имя победой в спорте.

Спор не заслонял от Галины других дел. Она успешно окончила семилетку, поступила в Ленинградский механический техникум.

Заметно росли спортивные результаты Зыбиной: она стала сильнейшей копьеметательницей страны, и наконец настал день, когда она могла ответить делом на заботу Родины.

— Будем готовиться к олимпиаде, — сказал ей однажды Виктор Ильич.

И вот в разгаре подготовки к XV олимпийскому играм тренер решил на рискованный шаг — сделать основной упор на толкание ядра. Здесь, думал он, у Зыбиной неограниченные возможности.

Правда, в начале лета Галина значительно уступала мировой рекордсменке Анне Андреевне Клавдии Точёновой, Татьяне Севрюковой. Но ведь ещё слаба была техника, а значить было впереди! Научишься правильно толкать ядро, оно долма непременно выйти вперед, так как по силе, а главное, по быстроте она намного превосходила своих конкуренток.

Начав готовиться к олимпиаде в толкании ядра, Зыбина не забывала и копья.

Виктор Ильич давно подметил, что эти два вида метаний очень хорошо дополняют друг друга и, вопреки общему мнению, лучше сочетаются, чем толкание ядра, например, с метанием диска, — потянулись дни напряженной, кропотливой работы. Надо было торопиться до олимпийских игр по крайней мере месяц — срок слишком короткий, чтобы приобрести высокую спортивную форму.

Но у Галины было преимущество: на тренировках она решала техническую задачу — освоение техники; физически она была прекрасно подготовлена.

Вначале Галина совершала грубые ошибки; она совсем не использовала силы ног, после скачка в центр круга она приходила на прямую правую ногу и немедленно включала в работу руку. Ядро выталкивалось вперед лишь силой руки и инерцией скачка. Виктор Ильич заставила Галину сотни раз повторить скачок так, чтобы приземление происходило на сильно согнутую в колене правую ногу, — только в таком случае можно использовать силу от её быстрого разгибания.

Кроме того после скачка корпус метателя с ядром как бы «отстаёт» от его ног, а это долмо представлять взведённую пружину, которая «сработает», едва правая нога коснется земли. Именно тогда начинается толчок.

Ручку метателя включает лишь в последний момент, когда ядро получит скорость от ног и корпуса. Не скоро Галина научилась использовать в толчке свои ноги, однако, когда она освоила это движение, обнаружилось, другая ошибка.

Скачок её был слишком высоким и начинался из очень прямой стойки. Поэтому ядро получало излишнее колебание.

Пришлось изменить исходное положение. На старте Галина теперь стояла низко на согнутой в колене правой ноге. Скачок её стал быстрым, плавным, низким. Она как бы скользила параллельно земле.

У Алексеева опытный глаз: десяти спортсменом он воспитал, сотни лучших метателей страны и мира наблюдал он в своей жизни. Он подмечал в движениях Галины то, чего не мог подметить другой. К тому же Галина регулярно синималась на киноленту. Тренер и ученица поочередно просматривали над кинограммами, разбирая каждое движение.

Как от тренировки к тренировке, тренер и его ученица совершенствовались спортивную технику, искали самое правильное, наклон, пробывали и шли дальше.

Пришла пора соревнований. Теперь надо было доказать, что не зря потрачено время, что решение сделать из Галины толкатель ядра было правильным. Главная же надо завоевать право защищать честь Советского Союза на олимпийских играх.

Пришли конкуренты у Гали сильнейшие в мире: Анна Андреева, ей принадлежит мировой рекорд; Тамара Тышневич, ей принадлежит второй в мире результат; Татьяна Севрюкова и Клавдия Точёнова.

В этот день и стадиону Галина подходила с волнением, но она твердо верила в победу.

И она завоевала право на поездку в Хельсинки: два её толчка превалили официальный мировой рекорд.

Накануне настал долгожданный день олимпийских игр. Все десяти спортсменом разных стран собрались свои силы. Все три советские участницы — Зыбина, Точёнова и Тышневич — в 3 часа 10 минут начались финальные состязания. Первым же толчком Зыбина выигрывает у немки Германн Вернер победил старый олимпийский рекорд. Но это

не смутило Зыбину. Она спокойно входит в круг. Сосредоточивается. Затем следует лёгкий скачок, мощный толчок, и металлический шар падает на ленту «15 м».

Будней аплодисментов наградили зрителя советского спортсменку. Вернер усиливает натиск. Она от полаты к полате приближается к Зыбиной.

Выходит в круг для метания и Галина. Вторая попытка, третья — пятая... Ядро, как заколдованное, падает не дальше 15 метров. Остаётся последняя, шестая попытка.

Стадион замер в ожидании... И Галина, увидев заставшие лица друзей по команде, вспомнил,

с каким волнением идут сообщения о ходе олимпиады у радиоприёмников дома, как радуются себе вновь сильной и уверенной в победе. Ядро будто стало легче... Рывок!

— 13 метров 28 сантиметром! — объявляют судьи.

Мировой и олимпийский рекорд — и когда на центральной флажштоке поднялась выше знамя Родины, а в воздухе поллила величественные звуки родного гимна, Галина, стоя на поставившей полате, крепко сжала в руке золотую медаль.

— Было радостно чувствовать, что она оправдала наказ Родины.

ТРИ ПОЧЕТНЫХ ЗВАНИЯ

В номере:

Чемпион мира...

Команда-победительница олимпиады...

Эти три международных шахматных звания долгие годы принадлежали представителям разных стран и ни в одной мере не свидетельствовали о превосходстве той или иной шахматной школы.

Переворот в истории шахматных состязаний наступил с той поры, когда в последние три года почетных звания вручили советские шахматисты.

В 1948 году М. Ботвинник стал чемпионом мира, в 1950 году Л. Руденко добился победы в женском первенстве мира. Оставалось доказать, что и команда Советского Союза также является сильнейшей.

***

5 августа с Вуковского аэродрома в воздух поднялся самолет, на борту которого находились советские шахматисты: П. Керес, В. Смыслов, Д. Бронштейн, Е. Геллер, И. Болеславский, А. Котов.

Они летели в Хельсинки на X международную шахматную олимпиаду.

Предстояла упорная борьба: противники были серьезны. Четыре тура занимала первая часть в предшествующей олимпиаде команда США. Правда, советские шахматисты в радиоматче 1945 года одержали над ней победу со счетом 19½:4½. Ступица для американский миллионер Вертман привез свою команду отыгрываться, и снова американцы показали поражение.

Советские шахматисты выиграли дважды и у шахматистов Англии, товарищеские матчи Москва—Прага и Москва—Будапешт закончились также в пользу Москвы.

Самыми будущие противники глубоко изучили творчество советских шахматистов. Они много раз участвовали в турнирах наций, где вся советская команда в этих соревнованиях предпочла участвовать впервые.

Но главная трудность заключалась в том, что играть придется всего на четырех досках. А это означало, что малейшая оплошность одного из игроков может свести на нет усилия всего коллектива.

***

Уверенно начала турнир советская команда: в полуфиналах она выиграла все матчи.

Американцы, которые оказались в той же группе, остались на втором месте, отстав на 5½ очков. На этот раз в связи с тем, что Вертман уезжал из страны другой миллионер—господин Визно, исполнявший обязанности капитана команды. Однако вскоре выяснилось, что доллары в американско-го «капитана» неизмеримо больше, чем шахматных познаний. Так, после первого тура он опротестовал победу голландца Диннера над американцем Вирном. Часы, мол, были неисправны.

Исходившему капитану разъяснили, что «после драки кулаками не машут» и что сам Вирн подтвердил подписание своего поражения.

В конце турнира господин Визно еще раз появился на сцене.

На этот раз он пытался спасти

члена своей команды Рессенского. Американский гроссмейстер в девятый пошел в безнадёжное положение и перестал записывать партии, когда же истекло время игры, он присел на блинне пару лишних ходов и стал требовать ничьей, уверяя, что именно место транзитом повторение одной и той же позиции. Однако запись его противника—шведца Шталльберга—и показания свидетелей говорили о другом.

Визно во второй раз был вынужден отказаться от протеста.

Среди многочисленных команд—участниц олимпиады—особенно

Гроссмейстер Василий Смыслов.

грозно выглядели аргентинцы. В дополнение к Найдурфу, Болончану и Польяну перем турниром наций срочно сменил бразильский паспорт на аргентинский австриец Элиасвакс.

Дружно играли также существовавшие своей мастерство шахматисты Венгрии и Чехословакии.

Все без исключения противники были опытными гроссмейстерами и мастерами.

Был момент, когда кое-кому из участников олимпиады казалось возможным опередить команду СССР. Советские шахматисты после пяти матчей имели 11 очков, тогда как команды Югославии, США и Венгрии, сыграв по шест

матчей, набрали соответственно

14, 13½ и 13 очков. Оставалось три тура; нелегко было на столь короткой дистанции отыграть от многочисленных соперников и прийти к финишу первым.

Вот когда выяснились все лучшие качества советских спортсменов. Нельзя было проигрывать, делать ничьи, требовалось проявить сплочённость и волю к победе. В последних 12 партиях предстояло сделать примерно 60 ходов и из них из одного полухода.

И эта задача была выполнена блестяще. Шахматисты Финляндии и Западной Германии проиграли со счетом 3½:3½.

Команда Аргентины, выступая против шведских шахматистов, в предпоследнем туре выиграла матч с таким же крупным счетом. Но эта победа не принесла ей большой чести. В результате никак не закусившись, собравший шведская команда выиграла на эту ответственную встречу без двух своих сильнейших шахматистов—Шталльберга и Швольского.

Не следует думать, что они заболели. На следующий день они играли против советских шахматистов, что, как известно, не могло шведом.

Команда Советского Союза заняла первое место.

Она продемонстрировала своё абсолютное превосходство над остальными участниками олимпиады. Советские шахматисты проиграли в Хельсинки 15 матчей, из которых 12 выиграли и 3 закончили ничью, в то время как ни одна другая команда не имела ни одного поражения; американцы же победили четырежды.

Успех команды Советского Союза принёс очком. Однако все же результат В. Смыслова надо отметить особо. Он не проиграл ни одной партии и набрал в 13 встречах 10½ очка. Советский гроссмейстер выиграл ряд ответственных партий; так, например, он дважды победил чемпиона США Эванса. Также без поражений, с блестящим результатом—7 очков из 8—закончил турнир И. Вольский.

Таковы итоги очередной выдающейся победы советской шахматной школы.

Мастер Л. АБРАМОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По вертикали:

1. Падарин. 2. Башуров. 3. Погодин. 4. Кутузов. 5. Моисин. 6. Шорин. 8. Потанин. 9. Керес. 10. Шолохов. 11. Пугачёв. 12. Чацкий. 13. Суварин. 14. Чирков. 15. Иванов. 16. Чивилев. 17. Сеченов. 18. Кулибин. 19. Феликс. 20. Сеченов. 21. Кулибин. 22. Соболев. 23. Гадюкин. 24. Морозов. 25. Соколов. 26. Ватулин. 27. Смыслов. 28. Колесов. 29. Путь. 30. Яворов.

По горизонтали:

7. Захаров. 8. Суворов. 12. Косовый. 13. Шолохов. 14. Суриков. 15. Лавров. 16. Чацкий. 17. Руссов. 18. Мичурин. 19. Никитин. 20. Ковалев. 21. Вязин. 22. Мамин. 23. Поток. 24. Феликс. 25. Фёдоров. 27. Лавинин. 40. Полевой. 41. Воронин. 43. Вавилов. 45. Пирогов. 46. Комаров. 47. Угрюмов. 48. Горький. 49. Горюхов. 50. Тихонов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. Углов. 6. Вавилов. 9. Динно. 10. Куваев. 11. Колома. 15. Фарада. 19. Кляшан. 22. Доватор. 24. Овод. 25. Динно. 26. Фарада. 27. Ковалев. 28. Троя. 30. Атом. 31. Чуварин. 32. Динно. 34. Марос. 37. Арифта. 38. Орнин. 40. Визно. 43. Герасимов. 44. Гонка.

По вертикали:

2. Геть. 3. Лена. 4. Казанов. 5. Котель. 6. Динно. 7. Ковалев. 8. Орнин. 13. Яворовский. 14. Вавилов. 16. 20. Доватор. 17. Косовый. 18. Корюхин. 20. Доватор. 24. Хоста. 25. Гамма. 29. Катет. 33. Очерка. 35. Руслло. 37. Гаврич. 41. Лаво. 42. Дина.

Павел Кузнецов—Партия

ведёт. Перевод.

Мих. Немылов—Португ. Стихи.

Глеб Голубев—Мы идём и коммунизму.

Вас. Журавлёв—«Молния» на Гидрострою. Глава из поэмы.

Сергей Куликов—Новые люди.

Борис Полевой—Зайчик. Золотая медаль. Рассказы.

Александр Межениров—На Волге. Стихи.

Мари Соболев—Арифа моя. Стихи.

Иван Рядченко—У пушки с фрегата «Тигр». Стихи.

М. Чаичо—Пашок. Рассказ.

Николай Перевалов—Пионерия. Стихи.

Яков Сухоруков—Весёлый наука.

На первом году.

П. Николаев—Во имя великой правды.

А. Морозов—Ворья продолжают. Рассказ.

А. Чудина—Чемпионы мира. Г. Коробков—Во славу Родины.

Л. Абрамов—Три почетных звания.

На первой странице обложки: Портрет Носифа Виссарионовича Сталина работы П. Нааврова и Н. Горелова.

На четвертой странице обложки: В парке поселка Ново-Цимлянский (Ростовской области). Фото Я. Халина

Оформление номера

В. Урнин.

Ответственный редактор—А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.

Тираж 120 000.

Тел. Д-3-34-24.

Над. № 764.

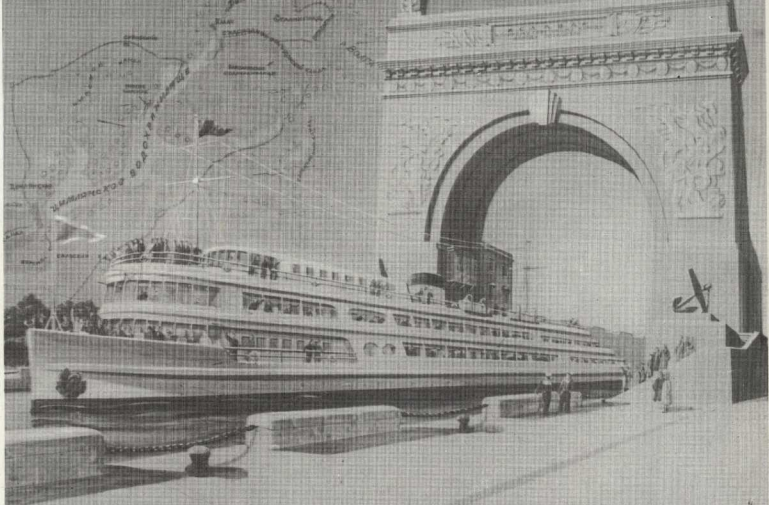
А 06027. Подписано к печати 27/IX 1952 г.

Формат бумаги 70 x 108½. 1,75 сум. л.—4,80 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВОЛГО-ДОН

ПОСТРОИЛИ!

Чем Строитовцев расстроили

Планат работы художника Ю. Гейфера

